

ИСТОРИЯ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ УЧЕНИЙ

Памяти академика В. П. Волгина

М.: НАУКА. 1964. С.245-284

Веб-публикация: *Vive Liberta* и Век Просвещения, 2011

Ссылки на материалы к теме даны нами после статьи.

СОДЕРЖАНИЕ СБОРНИКА

(темным шрифтом выделены статьи, размещенные в нашей библиотеке)

- В.А.Дунаевский, Б.Ф.Поршнев.* Изучение западноевропейского утопического социализма в советской историографии (1917—1963)
- Н.Е.Застенкер.* Ленин о домарксовом утопическом социализме
- Морис Домманже.* Истоки социальных идей Жана Мелье (к 300-летию со дня рождения)
- М.А.Барз.* Генезис идеологии истинных левеллеров
- Жан Дотри.* Чем Сен-Симон и Фурье обязаны Жан-Жаку Руссо
- В.С.Алексеев-Попов.* Социальная критика у Жан-Жака Руссо и великие утописты
- Ю.П.Мадор.* Эстетические взгляды французских утопических социалистов первой половины XIX в. 223
- К.Э.Кирова.* Джузеппе Мадзини и утопический социализм (1830—1840)
- А.Д.Колпаков.* Чартистский социализм конца 30-х — начала 40-х годов
- Карл Оберман.* К распространению социалистических идей в Рейнской провинции в 1844—1845 гг.
- А.И.Володин.* О начале социалистической мысли в России
- Е.Л.Рудницкая.* Социалистические идеалы Н.П.Огарева
- В.Р.Лейкина-Свирская.* Утопический социализм, петрашевцев
- В.Э.Кунина.* История создания нового проекта Общего устава и Организационного регламента I Интернационала (1872)
- Ю.Я.Мошкова.* Новейшие труды о немецком утопическом социализме XVIII в.
- В.М.Далин.* К истории «Манифеста плебеев». Бабеф в Аррасской тюрьме
- Письма В.Г.Короленко, Н.Ф.Анненского и В.А.Мякотина В.П.Волгину

Кира Эммануиловна КИРОВА

ДЖУЗЕППЕ МАДЗИНИ и УТОПИЧЕСКИЙ СОЦИАЛИЗМ (1830—1840)

Революционно-демократическая сущность воззрений и практической деятельности Джузеппе Мадзини определялась концепцией итальянской революции, сформулированной им в 1831—1833 гг. Это была концепция революции национально-освободительной и антифеодальной, совершаемой «с народом и для народа» и приносящей непосредственные материальные завоевания народу. Народные массы, действуя под руководством буржуазии («молодежи» или «интеллигенции», как писал Мадзини), выступали как основная движущая сила революции и именно это должно было обеспечить ее победу и превратить Италию в единую и независимую демократическую республику¹. Этой концепции — в основных ее чертах — Мадзини оставался верен на протяжении всего своего почти полувекового пути буржуазного революционера и демократа. Но с середины 30-х годов на революционно-демократическую сущность взглядов Мадзини начинает, если можно так выразиться, «нарастать» некая социально-утопическая оболочка. Эгалитаристские высказывания — очень впрочем немногочисленные, — содержащиеся в его работах начала 30-х годов², не только все чаще встречаются в его письмах и статьях, но и складываются в цельную концепцию: Мадзини принимается за разработку своей социальной утопии.

Разработка эта длилась не одно десятилетие, распадалась на ряд этапов, основную грань между которыми прокладывают события 1848—49 гг. с их огромным воздействием на теорию и практику всей европейской буржуазной демократии (в том числе и на Мадзини).

Наличие у Мадзини социально-утопических представлений о будущем не является секретом для историков. О них, не говоря

¹ См. об этом нашу статью «Концепция итальянской революции в ранних работах Мадзини» (1831—1833). В сб.: «Из истории социально-политических идей. К семидесятилетию академика В. П. Волгина» М., 1955

² Edizione nazionale degli scritti editi ed inediti di G. Mazzini, v. III, p. 67. Далее: Е. N. с указанием тома и стр.

уже об исторической литературе XIX в., писал, подчеркивая их значение для общих концепций Мадзини еще в 1905 г. Г. Сальвемина³; на них указывал и ряд других историков итальянского Рисорджименто; общая характеристика этих представлений дана в посвященном итальянской революционной демократии XIX в. капитальном труде итальянского историка-коммуниста Дж. Берти⁴.

Детальной разработки этой утопии в исторической литературе, однако, нет. Мы не знаем также работы, которая рассматривала бы социальную утопию Мадзини в ее становлении и в ее неразрывной связи как со всем комплексом теоретических воззрений и революционной практики Мадзини, так и с основными событиями современной ему общественной жизни и классово-борьбы. Попыткой разрешить эти задачи применительно к 30—40-м годам XIX в. и является настоящая статья.

Рождение утопии

Середина 30-х годов была тяжелым временем для Мадзини. В 1831—1833 гг., когда он сформулировал свою концепцию итальянской революции, он жил в атмосфере надежд, порожденных у него, как и у многих его современников, революционной волной начала десятилетия. Он был тогда твердо уверен, что ему удастся поднять на борьбу за национальную независимость и единство родины широчайшие слои народа, что восстание в Савойе, которое он в эти годы тайне готовил, разожжет революцию в Италии, а затем во всей Европе. С силами старого мира будет покончено легко и скоро.

Но к середине 30-х годов в революционном движении Западной Европы воцарилось затишье. Предпринятая мадзинистами попытка восстания окончилась неудачей; соратники Мадзини начали от него отходить, и созданная им «Молодая Италия» распалась. «Со времени проскрипций 1833 г., и особенно после несчастливого исхода Савойской экспедиции,— писал он в конце 1837 г.— я вижу себя покинутым людьми, наиболее мне дорогими. Одни — потому, что не хотят более страдать, другие — из-за недостатка средств, все — из-за недостатка веры отказываются от всяких попыток, от всякой борьбы за дело, в верности которому мы все поклялись»⁵. Мадзини казалось, что «каждый день аморальность, эгоизм, безразличие все глубже проникают в сердца. *Каждый день* те, кто, были горячими, становятся ледяными»⁶ (курсив наш.— К. К.).

Его юношеский оптимизм сменился горьким разочарованием. Он сравнивал теперь народ со львом, который «прорычал и умолк», думал, что Европа «суха, бесплодна, лишена движения, как кладбище»⁷, что Италия «прогнила до самой сердцевины» и ему суждено умереть, так и не увидев свою страну в лучшем положении⁸.

Он мучительно пытался понять причину этого «всеобщего оцепенения»⁹, «инерции»¹⁰, этой «непредвиденной остановки», которая заставляла его моментами «почти сомневаться в возможности дальнейшего прогресса»¹¹. Не понимая, что для возникновения революционной ситуации необходимы определенные условия, он верил, что «все дело в первой искре», что достаточно первого сигнала к восстанию, чтобы освободить народы от сковавшей их инерции. Но этой искры, этого сигнала не было, и Мадзини упорно винит в этом «молодежь», или, как он иногда более четко определяет, «интеллигенцию», которой должна принадлежать революционная инициатива и которая оказалась «способной мечтать, но не действовать»¹². «Мы не верим в отчаяние масс, и каждый раз, когда мы видим народ, пораженный инерцией, мы ищем причины этого наверху, мы возлагаем ответственность на тех, кто им руководит»¹³,— писал он в сентябре 1835 г.

Вопрос о том, как побудить буржуазию и либеральное дворянство выполнять свою функцию инициатора и руководителя национально-освободительного движения, становится в середине 30-х годов одним из наиболее важных для Мадзини вопросов.

В том, что от него не только отходит революционно-демократическая интеллигенция, но что за ним не идут и «простолюдины», Мадзини не решается в эти годы признаться даже и самому себе.

И все же мысль о недостаточности социально-экономической программы «Молодой Италии» прокладывает себе путь в его сознании. Загоняемая «в подполье», она прорывается наружу в неоднократных жалобах на то, что итальянцы это «народ эгоистический, индивидуалистический, не верящий ни во что кроме денег»¹⁴. Эта мысль приводит Мадзини к любопытному сопоставлению Германии, где рабочие, если верить ему, настроены идеалистически, «не жалуются на нужду и налоги» и борются лишь за «высокие принципы и человеческое достоинство»,

⁷ E. N. X, 367.

⁸ E. N. XII, 390.

⁹ E. N. IV, 297.

¹⁰ E. N. IV, 145.

¹¹ E. N. IV, 297.

¹² E. N. XI, 76.

¹³ E. N. VI, 138.

¹⁴ E. N. X, 287.

³ G. Salvemini. Scritti sul Risorgimento, Milano, 1963.

⁴ G. Berti. I democratici e l'iniziativa meridionale nel Risorgimento. Milano, 1962.

⁵ E. N. XIV, 161.

⁶ E. N. XII, 346.

с Италией, где царит стремление к удовлетворению материальных интересов, «расчет и проза»¹⁵.

Поражение в национально-освободительной борьбе, ощущение своего бессилия разрешить встающие перед ним в этой борьбе задачи — стало одним из путей, приведших Мадзини в «страну утопии». Но был и другой путь, непосредственно связанный с «рабочим вопросом».

В 1831—1833 гг., выдвигая свой тезис о революции, совершаемой «с народом и для народа», Мадзини не конкретизирует понятие «народ». Он пишет «вся нация», «народ», «массы», «простолюдины.» Вдумываясь в подтекст его высказываний, мы можем однако понять, что «простолюдины» это в первую очередь крестьяне и что именно в них видит Мадзини в эти годы ту боевую ударную силу, которая должна в борьбе с Австрией завоевать независимость и единство Италии.

Вопрос о крестьянстве был большим вопросом итальянского Рисорджименто. Итальянские крестьяне были в подавляющем большинстве безземельны и нищи и, чтобы привлечь их к национально-освободительной борьбе, надо было в первую очередь обещать им землю. Итальянская же буржуазия, сама владея землей, не только не хотела это сделать, но боялась даже поднять крестьян на борьбу с феодальным землевладением, ибо эта борьба легко могла перерасти в борьбу с землевладением буржуазным.

Страх этот сковывал и буржуазного революционера Мадзини. Усиленно намекая в начале 30-х годов итальянским буржуа и либеральным помещикам на желательность добровольной передачи ими части земель крестьянам, он так и не решился выдвинуть аграрные лозунги и должен был ограничить программу «улучшений», какие революция принесет народу, обещанием снизить налоги и упорядочить работу государственного аппарата.

Но в середине 30-х годов, в тяжелые для Мадзини годы разочарований и сомнений, европейская действительность указала ему на новую силу, на которую он мог опереться в своей борьбе. Это были наемные промышленные рабочие, городской пролетариат. В Италии, где промышленность еще находилась на мануфактурной стадии развития, рабочие были сравнительно немногочисленны и их отношения с хозяевами носили в значительной мере патриархальный характер. Социальные противоречия в итальянском городе были значительно менее остры, чем в деревне, и именно поэтому рабочие представлялись Мадзини более покладистыми и менее опасными, чем крестьяне (об участии которых в национально-освободительной борьбе он не переставал все же втайне думать).

¹⁵ E. N. XI, 308.

Толчком, обратившим весной 1834 г. мысль Мадзини к рабочим, стало, как уже отмечалось в исторической литературе, второе Лионское восстание. Оно произвело на Мадзини глубочайшее впечатление, вызвало у него целую гамму чувств. Он был восхищен героизмом «горстки» рабочих, которые «сдерживали в течение 5 дней силы, вчетверо их превосходящие», и заставляли «бледнеть правительства и дрожать от волнения патриотов»¹⁶, он был возмущен «позорным молчанием»¹⁷ Франции, не восставшей, дабы поддержать «город-мученик» — Лион¹⁸. И он был смущен и испуган, хотя и избегал говорить об этом открыто, классовым характером движения и «ужасной» энергией формулы «жить работая или умереть сражаясь», которую восставшие рабочие кинули «как вызов» в лицо старому миру¹⁹.

В этом сложном комплексе чувств и переживаний мысль о том, что рабочие — это сила, которая может решить исход национально-освободительной борьбы Италии, была, однако, доминирующей. Внимательно приглядываясь после восстания к французскому пролетариату, Мадзини отмечал, что «во Франции есть тысячи рабочих, которые рассуждают о политике так, что нельзя не удивляться»²⁰. Организуя «молодую Европу», он писал летом 1834 г., что она «должна пробиться в народ, к рабочим»²¹.

Пробудившийся в Мадзини интерес к наемным рабочим побуждает его глубже вдуматься в их отношения с предпринимателями, делает его представления о строении капиталистического общества более четкими. Он понимает теперь, что в этом обществе «во всей своей силе» существует деление на классы, что «интересам пролетария (в данном контексте — батрака. — К.К.) противостоят интересы землевладельца, интересам рабочих — интересы мануфактуриста, фабриканта, капиталиста»²².

Мадзини был добрым человеком и не раз отдавал беднякам свои последние вещи и деньги. Нужда и страдания рабочих вызывали у него неподдельное сочувствие. С болью и возмущением писал он об «отношениях хозяев и рабов», существующих между рабочими и «владельцами орудий труда»²³, о том, что в то время как богачи утопают в роскоши, рабочие вынуждены

¹⁶ E. N. VI, 389.

¹⁷ E. N. IX, 296.

¹⁸ «Непостижимо, что Изера не вся в огне, непостижимо, что в Париже не стремятся использовать момент, непостижим спокойный язык National и даже Tribune!» — восклицает он в разгар лионских боев, 16 IV 1834.

¹⁹ E. N. IV, 315; E. N. VII, 155

²⁰ E. N. XI, 127 Он заявляет также, что «в молодежи и рабочем классе Франции — зародыш ее будущего» (E. N. IV, 190), что если во Франции «и есть что-либо хорошее, то это в народе, в рабочих» (E. N. XI, 304).

²¹ E. N. XI, 304.

²² E. N. VII, 166

²³ E. N. VI, 72.

работать по 12—16 часов в сутки «единственно для того, чтобы есть хлеб». Их жизнь зависит от «закона заработной платы», и их судьба — «работать, страдать, проклинать и умирать»²⁴.

Но к непосредственному сочувствию, какое вызывала у Мадзини судьба обездоленных, примешивался все возрастающий страх перед неизбежным их выступлением. «Этот народ живет... его сознание растет... она чувствует, эта масса, всемогущая в своей материальной силе... она смутно угадывает, что мир со всеми его богатствами принадлежит ей так же, как и вам», — обращается Мадзини к «привилегированным классам»²⁵. И с нескрываемым ужасом он пишет о страстной ненависти, вызываемой у рабочих нуждой и эксплуатацией²⁶, о том, что когда массы поднимаются, они кидаются на своих притеснителей, «рычащие, вызывающие страх. Они угрожают, по энергичному выражению Руссо, пожрать богатых»²⁷.

Необходимость разрешить рабочий вопрос, т. е. кардинально улучшить положение рабочих, вставала перед Мадзини не только как важнейшая предпосылка привлечения их к национально-освободительной борьбе, но и как средство, необходимое для спасения общества от ужасов «братоубийственной», т. е. гражданской войны. Эта необходимость диктовалась Мадзини также и его религиозно-философскими воззрениями, его представлением, что «миссия» человека на земле — моральное совершенствование и приближение к богу — непосильна, как он неоднократно подчеркивал, для людей, измученных непрестанной работой и нуждой. Социальная проблема, еще недавно игравшая в концепциях Мадзини подсобную по отношению к национально-освободительному движению роль, приобретает для него теперь все большее значение, социальный вопрос идет, как он пишет, «de front» с политическим вопросом²⁸.

Так, с середины 30-х годов XIX в. для Мадзини начинаются многолетние поиски путей разрешения рабочего вопроса, в ходе которых он обращается к отечественным и иностранным мыслителям, в том числе к французским утопическим социалистам

²⁴ E. N. VII, 393.

²⁵ E. N. VII, 393—394.

²⁶ E. N. VII, 397.

²⁷ E. N. VII, 397. В середине 30-х годов Мадзини еще не отдавал себе отчета в том, что борьба между эксплуатируемыми и их эксплуататорами лежит в основе всей жизни современного ему общества. Тезис о борьбе между рабочими и их хозяевами существовал в его сознании на равных правах с его старым тезисом о борьбе между «управителями и управляемыми», классовая борьба еще представлялась ему одним из многих «столкновений индивидуальностей». «Зло существует, — констатировал Мадзини, — оно усиливается. Несогласие царит повсюду. Религии предают проклятию одна другую, власти борются друг с другом. Классы пожирают в зависти друг друга, партии наступают (se toisent) одна на другую, угрожающие, нетерпимые (E. N. VII, 294—295)

²⁸ E. N. VI, 61.

первой половины XIX в. В 30-х годах идеи великих утопистов еще не проникли в рабочие массы и не казались Мадзини опасными²⁹, и он мог со спокойной душой заявлять, что для того, чтобы «открыть социальную доктрину, которая сможет успокоить наше бедное общество..., нет ничего лучше, как признать и поощрять все прогрессивные теории»³⁰. Его высказывания о современных ему социалистических учениях еще были далеки в то время от враждебности, которая пропитает их позднее. Смягчая, а то и обходя свои с ними расхождения, он пишет в эти годы о сенсимонизме, как о школе, чьи экономические воззрения, «слишком скоро забытые»³¹, содержат зародыши политической экономии будущего³², о Фурье, как о мыслителе, «чей проект организации труда, хотя он и стремится вывести его из теории..., во многих своих пунктах фальшивой, возможно, очень хорош». «Его (Фурье.— К. К.) взгляды на разделение труда и на возможность сделать труд привлекательным, разделив его на короткие разнообразные сеансы, кажутся нам очень важными, — признает Мадзини, — и нам было бы достаточно найти в проектах фурьеристов организацию труда, освобождающую рабочих от воздействия закона заработной платы и подчиняющую их закону ассоциации, чтобы считать себя обязанными изо всех наших сил поощрять рассмотрение предлагаемых им средств ее достижения»³³.

Сенсимонизм и отчасти фурьеризм становятся в 30-х годах важным, хотя отнюдь не единственным³⁴ источником, под воздействием которого формируются взгляды Мадзини на разрешение «рабочего вопроса».

Раздумья и поиски приводят Мадзини к двум принципиальной важности выводам: 1) что существующая система организации промышленности «в корне порочна», 2) что радикаль-

²⁹ «Я огорчен... тем, что Сисмонди считает опасным изложение идей социетарной школы. Опасно изложение идей философских и социальных!» — удивлялся Мадзини (E. N. VII, 378). В одном из писем этих лет он говорил даже о своем желании сотрудничать в газете, которая бы «проповедовала понятия человечества и социализма» (E. N. XI, 226).

³⁰ E. N. XIII, 30—31. «Так как каждая полигическая или философская теория наших дней сформулировала, как нам кажется, часть истины, мы используем их, не очень беспокоясь об обвинениях в плагиате, которое могут выдвинуть против нас люди... питающие ужас перед новыми доктринами. ...Мы работаем не для того, чтобы создавать новое, а для того, чтобы создавать истинное. Мы работаем не для славы, мы работаем для добра». (E. N. VII, 365—366), — писал Мадзини.

³¹ E. N. VI, 256.

³² E. N. XI, 314.

³³ E. N. VII, 409.

³⁴ Воздействие идей французского утопического социализма, в особенности сенсимонизма, на Мадзини установлено (см. в частности, указанные работы Сальвемини и Берти). Отнюдь не отрицая этого воздействия, укажем, что по утверждению самого Мадзини корни его воззрений нисходят к итальянским мыслителям XVI столетия (E. N. VII, 381).

ное разрешение «рабочего вопроса» в рамках существующего общества невозможно: частичные реформы неизменно оказываются полезны одному только «классу, стоящему на вершине общественной лестницы»³⁵, а попытки кардинальных преобразований неизменно наталкиваются на сокрушительное противодействие «Как можно пытаться организовать что-либо широкое, жизненно важное в помощь народу, страдающим классам, когда достаточно, чтобы в городе находилась ассоциация, стремящаяся изменить существующие отношения между рабочими и хозяевами, чтобы армия двинулась в наступление на этот город», — восклицает, намекая на Лионское восстание, Мадзини — «Между реформой и ее осуществлением стоит жандарм»³⁶.

Однако, разрешению рабочего вопроса мешают не только «жандармы, эшафоты, тюрьмы», т. е. аппарат принуждения существующих правительств, но и сами «привилегированные классы». «Они (состоятельные люди. — К. К.) — пишет Мадзини, — хорошо питаются, хорошо одераются, живут в хороших жилищах. Им хорошо. У них нет опыта страданий, материальных лишений. Они видят страдания бедняков, но они их не чувствуют. Они привыкают видеть в них неизбежную черту социального уклада и оставляют будущим поколениям заботу об их излечении»³⁷. Эгоизм и безразличие «привилегированных» (а не прямая их заинтересованность в эксплуатации рабочих — К. К.) обрекают, по утверждению Мадзини, на неудачу самостоятельную борьбу пролетариата за свои интересы. Во Франции, вновь обращается он к историческому опыту второго Лионского восстания, рабочее население «протестовало против нынешнего распределения работы, против жадности привилегированных классов. И что же? Какие средства были применены? Какие серьезные улучшения осуществлены? На возглас производителя «смерть или работа» эксплуатирующий класс ответил — смерть. Загрели пушки... Вся Франция не нашла ни единого слова, чтобы ответить на вопли нуждающихся рабочих»³⁸.

Такова, дает нам понять Мадзини, может быть участь не одного только восстания в Лионе, ибо, «призовите к революции, дабы осуществить ассоциацию труда, реорганизовать коммерцию и промышленное производство... и вы не встретите отклика, вы пробудите все отвращение привилегированных и не сможете уравновесить его народным энтузиазмом»³⁹.

Мадзини был слишком стойким и закаленным борцом, чтобы испугаться «жандарма», и слишком верил в «численное всемогущество» масс, чтобы не понять, что проигрыш ими лионского

сражения еще не означает проигрыша всей борьбы. И если он, вновь и вновь, опираясь на факт поражения лионских рабочих, подчеркивает, что «восстание, подобное лионскому, не приносит плодов и может лишь обострить вражду между классами»⁴⁰, — то в этих словах звучит все тот же не покидающий его страх перед обострением классовой борьбы и выступлением народа, направленным против привилегированных.

Боясь самостоятельного выступления масс и упорно стремясь разрешить не только национально-освободительные, но и социальные проблемы в тесном союзе с итальянской буржуазией и либеральным дворянством, Мадзини оказывается в итоге вынужденным призвать на помощь религию. В начале 30-х годов, заявляя, что надо «превратить революцию в религию», он все же не включал последнюю в качестве составного элемента в свою концепцию итальянской революции. Это в средние века, вздыхал он тогда, люди шли в крестовосходы из одной лишь любви к богу. Нынче же, век эгоистический и материалистический, «сила интересов — единственное, что находит путь к сердцам»⁴¹. «Дабы поднять народ на революцию, надо говорить ему о его правах»⁴². Но в середине 30-х годов Мадзини решается взяться за оружие, которое он еще недавно считал недостаточно эффективным и заменяет «теорию материальных интересов» теорией «религиозного долга», в силу которого и отдельные люди, и целые классы, и в том числе «привилегированные классы», не только имеют право, но и «обязаны идти вперед»⁴³. «Надо преобразовать, изменить, переделать этих (состоятельных. — К. К.) людей, надо научить их, рассказывать им не только об их правах, но и об обязанностях, надо смягчить их огрубевшую натуру, возродить их потухшую душу, их увядший энтузиазм, надо оживить их способность к действию, — пишет Мадзини, — ибо до тех пор, пока это не сделано, пока сознание этого класса не освобождено от оков индивидуализма..., он будет проходить холодный и молчаливый мимо нужд народа»⁴⁴.

Однако «религия долга», которую призывал к себе на помощь Мадзини, была нужна ему не только для того, чтобы побудить «состоятельные классы» осуществить свою руководящую роль в национально-освободительном и социальном движении, но и для того, чтобы, как он рассчитывал, с помощью религии смягчить остроту классовых противоречий и классовой ненависти рабочих. «Куда бы мы не обратили наши шаги, — пишет он, — всюду нас останавливает та же трудность, та же необходимость моральной перестройки, морального улучшения тех, кто в силу

³⁵ E N VII, 399; E N XIII, 96 и др.

³⁶ E N. VII, 375—376.

³⁷ E N. VII, 184.

³⁸ E N. VII, 155

³⁹ E N. VI, 20.

⁴⁰ E N. VII, 171

⁴¹ E N. V, 54.

⁴² E N II, 299

⁴³ E N. IV, 192.

⁴⁴ E N VII, 186, 423.

своей многочисленности (народные массы.— К. К.), или в силу своего положения (привилегированные.— К. К.) имеют реальные возможности (переустройства общества.— К. К.), которых лишены мы»⁴⁵.

«Религия долга», которую Мадзини положил в это время в основу своей концепции национально-освободительной и социальной борьбы, не была в его представлении ни христианством, ни католичеством, в котором он справедливо видел силу, связавшую свою судьбу со «старым (феодальным.— К. К.) миром». Это должна была быть новая, «социальная религия», религия свободы, равенства и прогресса.

Не вдаваясь в детальное рассмотрение теологических взглядов Мадзини, скажем лишь, что его религиозные представления — плод многолетних поисков и раздумий, носящий на себе, как и многие другие воззрения Мадзини, явственный отпечаток сенсимонизма,— служили более чем прозрачной оболочкой для его исторических, политических и социальных воззрений.

Согласно «новой религии», человечество проходит в своем развитии различные стадии, или эпохи, каждая из которых приближает его к познанию данного богом закона. В полном познании и подчинении этому закону и заключается основная миссия человечества на земле. С начала XIX в. оно стоит на рубеже двух эпох: индивидуальной и социальной, которая наступит после европейской революции, произведет коренной переворот во всех человеческих верованиях, стремлениях, во всем общественном устройстве и в том числе разрешит неразрешимый в настоящее время «рабочий вопрос». Способствовать наступлению этой новой эпохи, а значит и наступлению европейской революции, без победы которой она невозможна, это долг и миссия, возложенная создателем на все живущее поколение. Предугадать, исходя из человеческой истории, потребностей, из учений великих мыслителей, основные черты грядущей эпохи, с тем чтобы, предугадав, облегчить ее рождение,— обязанность каждого, кто занимается политикой⁴⁶.

Несложное это логическое построение и должно было, по мнению Мадзини, дать искомую религиозную санкцию его национально-освободительным и социальным воззрениям. Человек с детства глубоко религиозный и становившийся с каждой новой постигавшей его неудачей все религиозней⁴⁷, Мадзини не только

⁴⁵ E N VII, 424

⁴⁶ E N VII, 170. В другой своей статье Мадзини весьма выразительно пишет о необходимости предвидеть будущее, дабы, «встав между будущим и настоящим, облегчить таким образом переход и быстрый и опасный, если к нему не подготовлены умы и он совершается одной лишь силой вещей» (E N IV, 38).

⁴⁷ «С каждым днем во мне все более развивается религиозное чувство, с каким я родился. Чем больше разочарований причиняют мне люди, тем более

искренне верил сам в свою новую «социальную религию». Он был теперь убежден в том, что эта религия увлечет за собой все классы итальянского и европейского общества, почти так же твердо, как за несколько лет до того верил, что сможет подать сигнал к итальянской и европейской революции, основываясь на «теории материальных интересов».

Общество «новой эпохи», содействие наступлению которого объявляется религиозным долгом всех живущих на земле, становится той религиозно-философской основой или рамкой, в которую Мадзини вкладывает свои представления о наилучшем общественном строе. Это и есть его социальная утопия.

Мысли об этом обществе будущего приводили Мадзини в состояние, близкое к экзальтации. Ему казалось, что он «вдыхает аромат невидимого мира», слышит «глухой шум... какой производит время, пожирая свою добычу»⁴⁸, видит, как одни за другими уходят принадлежащие к умирающей эпохе верования, мысли, люди⁴⁹. «Встаньте,—хотелось ему в нетерпении крикнуть окружающим,— разве не ощущаете вы, как охватывает землю неведомая дрожь, разве не слышите, как лепечет возникающее... Это молодая Европа встает, это эпоха рождается, это дыхание бога касается его народов»⁵⁰.

Но он был чрезвычайно сложной и противоречивой натурой. Склонность к религиозным абстракциям⁵¹ своеобразно переплеталась в нем с практическим чутьем политического деятеля, ограниченного рамками своего класса и, обращаясь после своих мистических взлетов к окружающей действительности, он трезво высчитывал, что именно из передуманного может сообщить своим соратникам, дабы не оттолкнуть их от себя чрезмерным радикализмом и необычностью суждений. «Мы — практики, мы стремимся к возможному... Мы можем в моменты мечтаний... вдыхать аромат невидимого мира, мира абсолютной мысли, но возвращенные на землю.. мы должны оставаться в общих рядах, чтобы бороться; изолируясь, становишься бесполезным»,— писал он в одной из своих статей⁵². Поэтому, не все, что он думал в «моменты мечтаний», оказалось в итоге высказанным, в то же время многое в концепции Мадзини еще не было в середине 30-х годов продумано до конца. Вместе взятые, эти обстоятельства обуславливали в эти годы незавершенность его социальной утопии в целом.

я верю в бога и в будущую жизнь»,— писал он матери в августе 1836 г (E. N. XII, 5).

⁴⁸ E N IV, 146

⁴⁹ Ibidem

⁵⁰ E N IV, 146

⁵¹ Он сам писал о себе в эти годы, что ему «нужно жить в постоянной экзальтации, в идеальной стране, населенной не людьми, но фантастическими существами» (E N XI, 214)

⁵² E N VII, 207—208

В общих представлениях Мадзини о европейской и итальянской революции ставка на «религию долга», на разрешение социальных задач в «новую», будущую эпоху привела к ощутимому сдвигу вправо. Мадзини, еще недавно утверждавший, что революция может победить, лишь написав на своем знамени «улучшение положения класса наиболее многочисленного и бедного», старается теперь уверить других, а возможно и самого себя, что «всякая социальная революция по сути своей религиозна», что «люди не хотят рисковать своей жизнью во имя материальных интересов», и что народ требует не столько материальных улучшений, сколько «...достоинства... любви, приближения к богу». Теория, которая обещает народу удовлетворение одних лишь материальных потребностей, будет встречена им «со скрещенными руками»⁵³.

Это вызывало недоумение и возражения более левых членов революционно-демократического лагеря, и Мадзини вынужден был оправдываться и доказывать, что он не против улучшения материального положения масс. Он считал его необходимым, но ставил «материальный принцип под контроль морального», ибо без подобного контроля борьба за материальные интересы может привести лишь к «братоубийственной (т. е. гражданской.— К. К.) войне между теми, кто должен жить как братья»,⁵⁴ — признание, которое превосходно вскрывает одну из основных пружин всей концепции.

Сужается и круг стран, в которых, по представлению Мадзини, должна произойти революция. Знакомства с развитой буржуазной демократией, какая была в Швейцарии, оказывается достаточно, чтобы Мадзини решил, что эта страна, уже имеющая свободу слова, печати, ассоциаций, «может идти к лучшему без кризиса и конвульсий, всегда опасных»⁵⁵, т. е. может вступить в «новую эпоху», не пережив революции. Подобную возможность «мирного» развития Мадзини допускает теперь и для некоторых других стран, в частности для Англии, где, как ему кажется, «правительство само руководит реформами и уничтожает злоупотребления»⁵⁶. Иное дело страны, о которых Мадзини говорит с невеселой иронией, что их «привилегией» является несчастье, — в первую очередь Италия, где «тройной барьер шпионов, таможенников, жандармов» день и ночь стремится помешать проникновению в страну свободной мысли. «Откуда придет прогресс к этому народу! — восклицает Мадзини. — Откуда придет он в Польшу, которая представляет ту же картину? Откуда придет в Германию?... Восстание. Я не вижу, какой иной совет можно дать этим народам. Восстание как можно скорее, вос-

стание всеобщее, неистовое, энергичное»⁵⁷, — пишет Мадзини в предназначенной для печати статье. Восстание «каков бы ни был кризис, который нам предстоит»⁵⁸, — добавляет он в частном письме.

Но если Мадзини по-прежнему признает революцию для Италии неизбежной, то в трактовке перемен, которые она должна принести, все явственней звучит теперь сдерживающее начало. «Революция, — пишет Мадзини, — уважает все истины, уже установленные, сохраняет все права, завоеванные в прошлом. Но она все реорганизует на новой основе... Она ничего не нарушает, не уничтожает, не принуждает к насильственному развитию, но она сближает, объединяет, направляет к общему прогрессу. Если бы не это, — признается Мадзини, — мы были бы далеки от того, чтобы называть себя революционерами, и чинили бы всяческие препятствия революции»⁵⁹.

Обращение к рабочим

В январе 1837 г. Мадзини был выслан из Швейцарии в Англию. Одиночество и тоска, давно уже его терзавшие, сомкнулись вокруг него глухой стеной. Он задыхался в огромном, так не похожем на итальянские города, Лондоне, все острее тосковал по родине, все мучительней сознавал, что «годы проходят и каждый год разрушает какую-либо надежду и рвет или ослабляет какую-либо привязанность»⁶⁰.

Англия, еще недавно представлявшаяся Мадзини «счастливой страной», где «трудовой народ смог мирно занять принадлежащее ему по праву место», и где «нет нужды в революции, нет заговоров и бунтов»⁶¹, пугала его сейчас остротой и обнаженностью классовых противоречий. «Англия, — писал он летом 1837 г. матери, — это страна, которая привлекает издали, но пугает вблизи. Богатство распределено здесь более неравномерно, чем в какой-либо другой стране. Здесь есть кварталы, выставляющие напоказ свою роскошь, и есть кварталы — ирландские, например, — которыми нельзя пройти без ужаса, такая там царит нужда»⁶².

Снова и снова возвращаясь мыслью к «ужасающей нужде» двух третей английского населения, и к «безвыходному положе-

⁵³ E. N. VI, 224.

⁵⁴ E. N. XI, 307.

⁵⁵ E. N. VII, 161—162.

⁶⁰ E. N. XIV, 197 Не колебля его веру в свои идеи и его готовность за них бороться, неудачи придавали этой вере и готовности оттенок фанатизма. «Чем более превращаются в дым привязанности, надежды, мечты моей юности, тем сильнее становится во мне культ идей и тем более долг становится моей религией. Я ныне один, беден, устал и все же моя вера не меняется и не изменится ни на волос», — писал он летом 1838 г. (E. N. XV, 79).

⁶¹ E. N. XVII, 192, 195.

⁶² E. N. XIV, 22—23.

⁵³ E. N. VII, 422.

⁵⁴ E. N. VII, 172.

⁵⁵ E. N. XI, 307—308.

⁵⁶ E. N. XIII, 168.

нию» рабочих Манчестера, Ливерпуля; Глазго, Бристоля, Мадзини снова и снова приходит к выводу о необходимости «коренного переустройства»⁶³ современного ему общества. «Эти две крайности (т. е. богатство на одном полюсе и нужда на другом.— К. К.) не могут более сосуществовать!»,— восклицает он в одном из писем⁶⁴. Его понимание относительности и недостаточности буржуазных реформ становится более глубоким⁶⁵, критические замечания в адрес капиталистического общества более едкими. И в то же время революция, которую он еще так недавно безоговорочно приветствовал, теперь вызывает все большие у него опасения, и он все чаще вздыхает о «мудрых» государственных деятелях, которые смогли бы «открыть путь прогрессу» и провести необходимые преобразования «последовательно и мирно»⁶⁶.

Уже в первые недели пребывания в Англии изгнанник, несмотря на переживаемый им тяжелый душевный кризис, внимательно присматривается к развертывающейся здесь борьбе за всеобщее избирательное право. «Надо послушать речи некоторых простых рабочих, чтобы понять, сколько в них здравого смысла и политических знаний,— писал он в апреле 1837 г., побывав на созванном английскими радикалами митинге.— Когда класс, еще не имеющий своего представительства, так чувствует и говорит, невозможно отвергнуть его требования»⁶⁷.

⁶³ Е. N. XXIII, 6. См. также Е. N. XXVI, 123; Е. N. XXV, 117.

⁶⁴ Е. N. XIV, 250.

⁶⁵ Так, он писал, что «в обществе устроенном так, как наше.. дать людям одну только свободу... значит увековечить эксплуатацию и неравенство, прибавив к ним иронию» (Е. N. VII, 165—166), что, сводя вопрос к одним только «формам и гарантиям», нельзя «облегчить положение страдающих классов и подвинуть хотя бы на шаг великое дело освобождения человечества» (Е. N. VII, 178—179). Жизненный опыт помогал ему понять относительность и недостаточность буржуазных свобод в различных областях общественной жизни. Ему долго не удавалось пробиться со своими статьями в периодическую английскую прессу. «Я пишу в стране, как говорят, свободной, но печать, как и все другое, свободна лишь для тех, кто нашел ход к издателю или деньги, чтобы печатать за свой счет»,— обобщал он свои неудачи (Е. N. XIX, 239). Еще не умея разобратся в сущности капиталистической эксплуатации, но уже понимая, что капиталист не отдает рабочему всей его «доли», Мадзини мечтал в эти годы о создании «новой политической экономии» Она ответила бы на вопрос, «почему производство так мало приносит производителю», и научила бы, как с помощью более справедливого распределения богатства «уничтожить или по крайней мере замедлить рост нужды» (Е. N. XVII, 290—291).

⁶⁶ Е. N. XVII, 224—225.

⁶⁷ Е. N. XII, 342.

В письмах Мадзини к матери, с которой он был наиболее откровенен, упоминания о чартизме в первые годы этого движения так обильны, что по ним можно было бы составить хронику событий. Он переписывал в этих письмах текст чартистской хартии, передавал газетные сообщения о грандиозных рабочих митингах в провинции, не забывая упомянуть и об «эксцессах», когда те происходили. Превозмогая свою нелюбовь, почти отвращение к многолюдным сборищам, он посещал чартистские митинги в Лондоне. Зате-

Столь благодушная оценка основывалась, однако, на преумности, что в силу распространенного в Англии уважения к законности, рабочее движение «еще долго не приведет здесь к беспорядкам»^{67а}.

С ростом чартистского движения это благодушие сменилось острой тревогой. Мадзини смущала беспечность английских радикалов, которые, как казалось ему, «дают народу действовать одному, вместо того, чтобы побрататься с народом и руководить им»⁶⁸, тревожило упорство правительства, которое, отказывая рабочим в удовлетворении их требований, «расчищает путь для насильственных революций»⁶⁹. «Не боитесь ли Вы, милорд,— обращался он к лорду Русселю,— что в один прекрасный день эти жертвы сбросят груз, который их давит и, не имея возможности улучшить свою судьбу легальным путем, попытаются раздавить в своей ярости... привилегированные классы, которые Вы охраняете?»⁷⁰.

Ратуя за уступки рабочим, Мадзини был, однако, далек от поддержки всех требований чартистов. «Когда я говорю о праве голоса, я говорю о voto elettorale (т. е. о праве избирать, но не быть избранным.— К. К.) и ни о чем другом. Право, которое мы требуем для народа, это право признавать добродетель и патриотизм других... Мы не требуем, чтобы крестьянину было поручено участие в дискуссии о гражданском или уголовном кодексе или в разрешении астрономических проблем»⁷¹,— писал Мадзини.

Чартистское движение все более пугало Мадзини своим классовым характером. Оно представлялось ему слишком «материалистическим», слишком «утилитаристским». Английские рабочие, чьим здравым смыслом он еще недавно восхищался, казались ему теперь, когда они выходили из-под влияния буржуазии, невежественными и отсталыми⁷². Лидеры чартистов представлялись чрезмерно левыми и в его отзывах о них звучало нескрываемое раздражение. Руководители Лондонской ассоциации рабочих — это «революционеры французского образца». Люди, возглавляющие движение в провинции (т. е. группа О'Коннора), — «агитаторы во имя второстепенных (т. е. материалистических, классовых.— К. К.) целей»... «Это не те люди, которых я хотел бы видеть во главе масс!»⁷³ — восклицает Мадзини.

ранный в толпе, задыхаясь в духоте, он долго стоял там, изучая лица рабочих и слушая их речи (Е. N. XV, 176—177, 179, 186).

^{67а} Е. N. XII, 342.

⁶⁸ Е. N. XIV, 172.

⁶⁹ Е. N. XVII, 214.

⁷⁰ Е. N. XVII, 212.

⁷¹ Е. N. XVII, 268.

⁷² Е. N. XV, 381.

⁷³ Е. N. XV, 228.

Некоторые рабочие, пишет он, вырастают в трибунов, но кто знает, как они будут действовать. «Ведь это англичане... Они руководствуются в своих действиях одним только принципом — борьбой за счастье... Бог, долг, прогресс, достоинство и призвание человека им чужды!»⁷⁴.

Живя в Англии и пристально наблюдая за ростом чартистского движения, Мадзини приходит к убеждению, что в течение ближайших лет в этой стране произойдет революция. Но будучи совершена *таким* народом и руководима *такими* вождями, это будет не та «народная, республиканская, объединяющая (различные классы.— К. К.) и религиозная революция»⁷⁵, о которой он мечтает для Европы. Смутно догадываясь под воздействием чартистского движения о возможности еще не виданной миром рабочей революции, Мадзини пишет, что Англию ждет революция во имя «преимущественно социального, а не политического равенства»⁷⁶. Это будет «революция народа, совершенная с целью изменить не политический, а социальный уклад»⁷⁷ и именно это сделает ее, по мнению Мадзини, еще более ужасной, чем французская революция конца XVIII в. Английская революция будет «внушающей страх, отвратительной и кровавой и заставит дрожать Европу»⁷⁸. Это будет «мировое потрясение, о котором мы не имеем даже представления»⁷⁹. Мадзини при одной только мысли о нем начинает бить лихорадка.

В 1839 г., когда по Англии прокатывается волна грандиозных рабочих митингов в поддержку первой чартистской хартии, и в Лондоне собирается первый чартистский конвент, ужас Мадзини перед этой грядущей без буржуазии и против буржуазии совершаемой революцией достигает своего апогея. Не довольствуясь ролью пассивного наблюдателя, он пытается непосредственно вмешаться в ход событий, снова и снова твердит о необходимости «овладеть движением», поражается хладнокровию английских интеллигентов, которые продолжают, точно ничего и не происходит, «писать романы и ученые книги»⁸⁰, слепотой правящих групп, которые «пляшут на вулкане», вместо того, чтобы пойти на немедленные уступки рабочим. «Огонь достиг уже третьего этажа, а ты все еще ничего не видишь»,— эти слова Ювенала Мадзини ставит в то время эпиграфом к статье о чартизме⁸¹.

Осенью 1839 г., когда рабочий конвент разошелся, так ничего и не предприняв, Мадзини приходит к выводу, что чартистское

движение «еще ряд лет будет вертеться в парламентском кругу, ограничиваясь организацией собраний и подачей петиций»⁸². Последующие подъемы чартистского движения он воспринимает уже более спокойно. И все же страх перед вооруженным выступлением английского пролетариата то и дело проскальзывает в его статьях и письмах.

В 1838—1839 гг., с ужасом ожидая рабочей революции в Англии, Мадзини утешал себя мыслью, что во Франции дела пойдут иначе. Теперь ему казалось, что в этой стране «больше равенства, чем в Англии... лучше социальная организация. Классы менее отделены друг от друга... более равномерно распределено богатство»⁸³. Самый народ здесь, «бесконечно более образован... и возможно более склонен морализировать», чем в Англии, и все это позволяет надеяться, что революция во Франции совершится «без больших конвульсий»⁸⁴, и будет, наконец, той «общенациональной» республиканской революцией⁸⁵, о которой он мечтал. Но с началом 40-х годов среди пролетарского авангарда Западной Европы, в первую очередь Франции, усилилось распространение коммунистических идей⁸⁶. Для настороженности, с какой отнесся к этому Мадзини, характерно, что уже в 1940 г. он встревоженно отмечает популярность, какой пользуются среди рабочих ряда стран «системы общности имущества»⁸⁷. «Республиканская партия во Франции,— писал он год спустя,— разделена на две большие фракции. Первая — это коммунисты, имеющие своим главой Кабе...»⁸⁸.

В его высказываниях о коммунизме и социализме звучало теперь нескрываемое раздражение. Он писал, что коммунизм это «мрачная» и «абсурдная» теория, которая никогда не сумеет завоевать большинство⁸⁹, что влияние коммунистов «испортило» республиканскую партию во Франции. Оно все шире проникает в ряды французских рабочих, которых «хорошие» республиканцы оставили без руководства⁹⁰.

Мадзини отталкивал от коммунистических доктрин не только призывы к «общности имущества». Эти доктрины шли в раз-

⁸² E. N. XX, 314

⁸³ E. N. XX, 63

⁸⁴ E. N. XIV, 351

⁸⁵ E. N. XV, 453

⁸⁶ В. П. Волгин. Французский утопический коммунизм М, 1960, стр 156

⁸⁷ E. N. XXV, 19

⁸⁸ E. N. XX, 285

⁸⁹ E. N. XX, 285.

⁹⁰ E. N. XX, 235. Они оставили рабочих без руководства, а Кабе воспользовался этим и, не сумев стать главой республиканской партии (где были другие интеллигенты), создал секту, которая признала его своим вождем (E. N. XX, 341) При всей примитивности подобного «объяснения» оно полностью соответствует основному тезису Мадзини о необходимости «овладеть движением»

⁷⁴ E. N. XV, 158.

⁷⁵ E. N. XIV, 125

⁷⁶ E. N. XV, 415.

⁷⁷ E. N. XVIII, 120.

⁷⁸ E. N. XXV, 381.

⁷⁹ E. N. XIV, 250.

⁸⁰ E. N. XV, 381.

⁸¹ E. N. XXI, 375.

рез с излюбленными его идеями — с идеей «социальной религии», классовой гармонии и т. д. Ему казалось, что коммунисты выступают «против морального прогресса», что они стремятся сделать человеческое общество «подобным рою пчел или стаду бобров, совершающих лишь те поступки, какие необходимы для поддержания их физического существования»⁹¹

Встревоженный всем этим Мадзини готов был теперь все отказаться от мысли о революции во Франции «Во Франции в нашей партии (т. е. среди республиканцев — К К), — писал он в августе 1841 г., — деморализация достигла предела. Вот почему я и не надеюсь на революцию во Франции и не хочу ее»⁹²

Его успокаивало лишь то, что в той же Франции были и «разумные рабочие», шедшие за Ламенне и за такими газетами, как «Atelier», «Nationale». Газеты эти пользовались живой симпатией Мадзини. Он не только вступил с их редакциями в личный контакт, но и ставил их в пример своим соотечественникам «Вы всегда будете обмануты и преданы, рабочие, если не последуете этому примеру», — писал Мадзини⁹³

От его внимания не ускользали и другие сдвиги, происшедшие в эти годы в среде французского пролетариата. С нескрываемым удивлением писал он о брошюрах, авторами которых являются «разумные» французские рабочие⁹⁴, о редактируемых рабочими газетах, о том, что «интеллект людей из народа пробудился и они проявляют способности, которые казались исключительной привилегией других классов»⁹⁵

Конечно, и эта вновь возникающая рабочая интеллигенция могла подпасть под влияние «левых сект». Мадзини не забывает указать, что «трактовать развитие интеллекта людей из народа с безразличием» будет «опасностью» и «серьезной виной»⁹⁶. Он делает из этого свой обычный вывод о необходимости усилить руководство народом. Однако возникновение рабочей интеллигенции во Франции представляется ему фактом, открывающим новые возможности и для Италии.

Мысль об Италии не оставляла Мадзини, чем бы он ни занимался⁹⁷, и его высказывания о положении в Западной Европе содержат множество ссылок, аналогий, параллелей с положением на его родине. Как ни успокаивал он себя, что в Италии в силу природного великодушия ее жителей положение рабочих возможно не так тяжело, как в Англии, и, следовательно,

но, дальнейшее его улучшение «потребуется средств, более легких и менее насильственных», чем в Англии⁹⁸, все же страх перед тем, что события в Италии пойдут по английскому пути, то и дело прорывался в его письмах «Горе нам, если наш народ будет воспитан так, как английский», — вырывается в одном из этих писем у Мадзини⁹⁹. Тревога, вызванная у него распространением коммунистических идей во Франции, также в значительной мере объяснялась тем, что эти идеи, хотя и в меньшей степени, проникали и за Апеннины¹⁰⁰

Принимаясь в 1839 г. за восстановление «Молодой Италии», он выдвигает задачу противодействия проникновению коммунистических идей в среду итальянских рабочих и интеллигенции одним из своих основных побудительных мотивов «Поколению, которому было, когда мы начинали нашу деятельность, 12—13 лет, теперь 18—20. Оно хочет действовать и слушает Францию и организует общества, которые бессмысленно отрицают собственность и религию. Следовательно, надо стараться овладеть этим вновь возникающим движением, дабы направить его к добру»¹⁰¹, — писал он к Ламберти «Если оставить их (итальянских рабочих — К К) без вождей и советов, они слепо последуют за иностранными (т. е. коммунистическими — К К) ассоциациями. Подумайте об этом, вы, итальянцы, любящие родину», — призывает он к своим соотечественникам¹⁰²

Необходимость привлечь итальянских рабочих к национальной-освободительной борьбе, с одной стороны, необходимость «овладеть» зарождающимся в Италии рабочим движением, с

⁹⁸ E N XXV, 6 К «утешительной» как он ее называл (E N XVIII 130) мысли о том, что революция в Италии произойдет менее болезненно, чем в других странах, Мадзини возвращался в эти годы не раз «У нас собственность распределена более равномерно и неравенство между классами менее сильно», — пытался он доказать свою мысль (E N XVIII 131), а в одной из своих статей он прямо заявлял, что в Италии «нет концентрации земельной собственности в немногих руках», и что даже в тех итальянских государствах, где знать кажется сильной, например в Неаполе и Пьемонте, ее влияние объясняется лишь благосклонностью государей (E N XXII, 62)

⁹⁹ E N XIX, 122

¹⁰⁰ В 1838 г. Мадзини узнал, что в Южной Италии действует общество, называющее себя «Молодой Италией» и проповедующее «уничтожение всякой собственности и религии» (E N XV, 267), а в начале 40-х годов Ламберти не раз писал ему из Парижа о влиянии коммунистических идей на итальянских рабочих, находящихся во Франции (Protokollo della Giovine Italia, vol. I Imola, 1916, p. 79, 85, 95) «Многие итальянские рабочие, находящиеся за границей, входят в ассоциации, которые написали на своем знамени общность имущества», — формулирует опасность Мадзини (E N XXV, 53)

¹⁰¹ E N XVIII, 159

¹⁰² E N XXV 19 Не лишена интереса и другая формулировка того же положения «Если в Англии будет сохраняться абсолютное разделение между средними классами и простолюдными, оно приведет к стенам насилия и неслыханных разрушений. Во Франции печальное разделение между людьми труда и людьми мысли придаст силу ошибкам коммунизма. Хотите ли вы, о, итальянцы, столкнуться с такой же опасностью?» (E N XXV, 46)

⁹¹ E N XX, 340

⁹² E N XX, 293

⁹³ E N XXV, 117

⁹⁴ E N XII, 241

⁹⁵ E N XXV, 43—44

⁹⁶ E N XXV, 96

⁹⁷ «Я думаю лишь об Италии, люблю по-настоящему лишь мою родину», — признавался он матери в 1837 г. (E N XII, 343—344)

другой, и приводят Мадзини в начале 40-х годов к едва ли не самой значительной в его жизни попытке преодолеть свою оторванность от народных масс. «Когда мы создадим ядро наших сил,—раскрывает он свои планы Мелегари,—мы пойдем в народ. Это то, чего мы никогда раньше не делали и что будем делать теперь»¹⁰³. В первый период нашей деятельности,— читаем мы в другом письме,—мы работали для народа, но не с народом. Теперь мы будем работать с народом»¹⁰⁴.

Однако, осуществляя это намерение, Мадзини приходится преодолевать сопротивление издавна оторванных от масс итальянских демократов. «Мы знаем, что многие из вас.. говорят, что сейчас надо всему предпочесть мысль о независимости и о войне с Австрией, которая мешает ее достижению. Но можно ли создать независимость руками рабов?»¹⁰⁵ — обращается к своим соотечественникам Мадзини¹⁰⁵. «Мыслители всей Европы,— писал он в другой статье,—подталкиваемые, побуждаемые духом эпохи, предчувствием неизбежности больших перемен, занимаются нынче народом, как ранее занимались судьбами патрициата, монархии, средних классов Друзья и враги — одни горя надеждой, другие с тревогой — обсуждают вопросы социальной реформы, организации и вознаграждения труда, о которых никто и не подозревал еще 15 лет назад... Все другие вопросы меркнут перед великим вопросом, естественно ли для нашего общества быть разделенным на две расы (т. е. гласа — К. К.)¹⁰⁶.

Практически речь шла о работе с итальянскими рабочими-эмигрантами за границей. Проведя несколько лет «на заработках», они обычно возвращались на родину, и Мадзини надеялся, что они понесут с собой туда идеи «Молодой Италии».

Весной 1841 г. в Лондоне, а затем и в Париже при национальных конгрегациях «Молодой Италии» были созданы специальные «рабочие союзы» (секции), в задачи которых входило воспитание рабочих в духе национальной гордости и патриотизма, и расследование и выражение их нужд и желаний»¹⁰⁷. Союзы должны были готовить работы, освещающие вопросы организации и вознаграждения труда¹⁰⁸. Осенью того же года Мадзини открыл в Лондоне на средства, собранные по подписке, бесплатную начальную школу для рабочих. Из-за отсутствия среди итальянских эмигрантов промышленных рабочих учениками ее стали мелкие ремесленники и беднота: лепщики и продавцы гипсовых фигурок, полотеры, шарманщики. «Эти бед-

ные дьяволы весь день играют на шарманке, а вечером напиваются. Но теперь они ходят учиться»,— писал о них Мадзини¹⁰⁹.

Учили в школе не одной, конечно, грамоте. «Мы не говорим им (ученикам.— К. К.) о политике, демократии — etc, ибо они этого не поймут, но с помощью лекций по отечественной истории и изучении итальянской географии запечатлеваем в их головах национальную идею. Остальное придет со временем»,— писал Мадзини¹¹⁰.

Ученикам внушали также идеи «любви и долга». Мадзини надеялся, что, вернувшись на родину, они «расскажут, что итальянцы из средних классов помогли им стать лучше» и, что «если бы средний класс не был, как и все другие классы Италии, в цепях, он протянул бы бедным братскую руку»¹¹¹.

Рабочие школы, которые Мадзини уже видел в своем воображении во всех крупнейших городах Европы и Америки, должны были, таким образом, «связать любовью и взаимопониманием различные классы Италии»¹¹².

Но главную роль в пропаганде идей «Молодой Италии» среди рабочих и в моральном их воспитании должен был сыграть журнал для рабочих, издававшийся Мадзини в 1840—1843 гг. и носивший трудно переводимое полужерковное название «Apostolato popolare» («Народное служение»).

У журнала была обширная программа. «Мы расскажем вам о ваших правах и обязанностях по отношению к родине, богу и к самим себе,—обещал Мадзини своим читателям-рабочим,—расскажем об ошибках, которые наши правительства и лживые апостолы выдают вам за истину... изучим материальные и моральные ваши беды.. и предложим наименее опасные лекарства от этих бед... Расскажем вам о родине, какова она сейчас, и какой мы должны ее сделать в будущем, об ее истории.. мучениках, о новых открытиях, которые могут повлиять на вашу деятельность и ваши судьбы»¹¹³.

Реализовать эту программу полностью однако не удалось. Из-за отсутствия средств за три года вышло всего 12 номеров «Apostolato popolare», после чего издание прекратилось. Каждый номер имел всего четыре страницы, обычно целиком заполненные статьей самого Мадзини, хроникой национально-освободительной борьбы в Европе и стихотворением на национально-освободительную тему. Приспосабливаясь к новой для него аудитории, Мадзини старался писать для журнала по возможности понятней, хотя и признавал, что это плохо ему удается¹¹⁴.

¹⁰³ E N XVIII, 328—329

¹⁰⁴ E N XIX, 119.

¹⁰⁵ E N. XXV, 18

¹⁰⁶ E. N XXV, 44

¹⁰⁷ E. N XXII, 418.

¹⁰⁸ E. N XXII, 414

¹⁰⁹ E N XX, 365

¹¹⁰ E N XX, 371

¹¹¹ E N XXV, 84

¹¹² E N XXV, 83—84

¹¹³ E N XXV, 115—116

¹¹⁴ E N XX, 253, 262

Отсутствие у «Молодой Италии» в эти годы другого печатного органа приводило к тому, что в «Apostolato popolare» попадали часто статьи, предназначенные для интеллигенции, так что в целом журнал этот является важным источником для определения взглядов Мадзини в начале 40-х годов XIX в.

Обращаясь к своим соотечественникам-рабочим, Мадзини ставил себе двойную цель: он стремился удержать их от выступлений против буржуазии и одновременно поднять их на национально-освободительную борьбу, развязывающую активность масс. Мадзини настойчиво пытался найти решение этой трудной и противоречивой задачи. Он заявлял теперь, что Италии предстоит не одна революция, а две — политическая и социальная. Содержание этих двух революций соответствовало в основном делению итальянской революции на два этапа, которое Мадзини проводил еще в 1831—1833 гг. Однако, превращение этапов в самостоятельные революции имело принципиальное значение: оно призвано было подчеркнуть хронологическую несовместимость национально-освободительной и социальной борьбы.

Политическая революция — это вооруженная борьба за национальную независимость и единство, и Мадзини не переставал призывать к ней итальянских рабочих. «Революция обязательна, необходима, — обращался он к ним, — необходима потому, что наша страна разделена на несколько маленьких государств, и вы без революции не можете надеяться ее объединить»¹¹⁵, необходима, ибо это «Австрия — грубая сила, которую можно свергнуть только силой»¹¹⁶.

Готовя своих читателей к участию в национально-освободительной борьбе, Мадзини использовал все доводы. Он объявил борьбу против «дурных» (т. е. австрофильских. — К. К.) правительств религиозным долгом рабочих и призывал их выполнить этот долг, даже если их непосредственные начальники и будут против этого, ибо хозяином над ними может быть «один только бог»¹¹⁷, а также уверял рабочих, что они не смогут улучшить свое положение, не улучшив положения всей страны. Всячески сближая интересы рабочих и буржуа в национально-освободительной борьбе, он твердил рабочим, что у них есть «22 миллиона (по общему количеству жителей на полуострове. — К. К.) братьев, у которых такие же стремления, что и у них»¹¹⁸.

Однако наряду с совместной заинтересованностью в борьбе против Австрии интересы рабочих и состоятельных классов в

¹¹⁵ E. N. XXV, 13—14.

¹¹⁶ E. N. LXIX, 16.

¹¹⁷ E. N. LXIX, 36 «Земная власть должна осуществлять волю бога на земле, и если она этого не делает, то ваш (рабочих — К. К.) долг ее изменить» (E. N. LXIX, 3).

¹¹⁸ E. N. XXV, 7.

итальянской революции в остальном не совпадали. Руководитель «Молодой Италии», еще несколько лет назад уверявший, что причиной народной нужды являются правительственные налоги, не только признает теперь, что рабочие «страдают от тех, кто их нанимает»¹¹⁹, но и делает из этого первостепенной важности вывод о разности интересов рабочих и предпринимателей в предстоящей в Италии социальной революции. «В Италии, — писал он, — есть, как и всюду, два класса людей. Одни владеют всеми элементами труда — землей, кредитом и капиталом. Другие не имеют ничего, кроме своих рук... Люди первого класса сознательно, люди второго инстинктивно, но и те и другие в равной степени хотят независимости и национального единства; во всем же остальном они разнятся... Первые страдают от иностранного гнета и произвола королей и им нужна главным образом политическая революция. Вторые, истощенные нуждой и мучимые нехваткой работы и недостаточностью заработной платы, нуждаются главным образом в социальном переустройстве»¹²⁰.

Вытекающий из этого вывод о необходимости для рабочих объединиться и осознать свои особые интересы в предстоящей борьбе является одним из наиболее радикальных выводов, к каким приходит в эти годы Мадзини. Минувшие восстания, заявляет он, не удовлетворили нужд рабочих и произошло это не по злой воле собственников («зачем винить во всем другие классы», — торопится он обелить буржуазию), а потому что рабочим не хватало «регулярного, настойчивого, внушительного выражения своих нужд»¹²¹, и они «вышли на улицу бороться как граждане, а не как рабочие»¹²², т. е. не имея своей организации и программы.

«Будьте итальянскими гражданами и как таковые желайте единства и независимости родины и политических прав. Будьте итальянскими рабочими и как таковые имейте специальные нужды, которые требуют специальных мер»¹²³. Формулирует Мадзини особое, мы сказали бы, двойственное положение рабочих в национально-освободительной борьбе.

Не приходится доказывать, что, призывая рабочих объединиться «под единым знаменем и в единый отряд», Мадзини имеет в виду знамя «Молодой Италии» и ее руководство этим «отрядом». И все же в Италии начала 40-х годов, где пролетариат еще только зарождался, и где не было еще объективных предпосылок для возникновения самостоятельного рабочего

¹¹⁹ E. N. XXV, 42.

¹²⁰ E. N. XXV, 111—112.

¹²¹ E. N. XXV, 114.

¹²² E. N. XXV, 114.

¹²³ E. N. XXV, 120.

движения, призыв к созданию рабочей организации и к выработке рабочей программы могли, способствуя организации рабочих, сыграть прогрессивную роль.

Методы, которыми должна была действовать эта организация да и идеология ее, носили, однако, ярко выраженный буржуазный характер¹²⁴.

Противоречивость стоящих перед Мадзини задач особенно сказывается в трактовке им второго этапа итальянской революции, именуемого им революцией социальной. Именно эта противоречивость приводила его к утверждению, что хотя интересы рабочих и расходятся в социальной революции с интересами буржуазии, но революция эта должна все же произойти с согласия всех классов и носить в противовес революции политической исключительно мирный характер. «Речь идет не о том, чтобы установить новый порядок с помощью насилия», — торопился рассеять он возможные недоразумения¹²⁵.

Самая программа социального переустройства, которую Мадзини разворачивает в «*Apostolato popolare*» перед рабочими, более чем скромна, а выполнение ее ставится в прямую зависимость от доброй воли собственников. Ибо, писал Мадзини, «для того, чтобы свобода не обернулась для рабочих горькой иронией, необходимо, чтобы люди из состоятельных классов согласились *уменьшить их рабочее время и увеличить вознаграждение*¹²⁶ (курсив наш.— К. К.). Достигнуто это должно быть с помощью уже знакомой нам религии долга. «Я хочу говорить вам о ваших обязанностях... о жертвах, а не о завоеваниях, о добродетели, моральном самоусовершенствовании, образовании, а не о материальном благополучии», — обращался Мадзини к рабочим¹²⁷.

Его полемический огонь обрушивается на «теорию прав и материальной заинтересованности», которая «делает людей эгоистами» и заставляет их приносить в новое общество старые страсти, т. е. классовую ненависть и классовую борьбу. Как в обществе, основанном на «теории прав», «примирить и привести к гармонии контрастирующие друг с другом права? — вопрошает Мадзини. — Если право на наибольшее возможное благополучие принадлежит всем, то кто разрешит спор между

¹²⁴ В эти же годы Мадзини, смущенный не только тем, что «люди действия» (т. е. рабочие) все более отдаляются от «людей интеллекта», но и проникновением коммунистических идей в ряды буржуазно-демократической эмиграции, ставит вопрос о создании общеевропейской организации, которая объединила бы всех, «кто готовит почву для демократии в различных странах». Это объединение имело бы общую кассу, типографию и, конечно же, созывало бы «дружеские дискуссии, на которых были бы установлены общие методы действия» (E N XXV, 75, 95).

¹²⁵ E N LXIX, p. 16

¹²⁶ E N LXIX, 11

¹²⁷ E N LXIX, 7—8

рабочими и мануфактуристом? (*capo — manufatturiere?*)¹²⁸. Право рабочего не выше права предпринимателя. «Теория прав» не является основанием для покушения на собственность последнего, таков подтекст этих рассуждений Мадзини. «Теория прав» может привести рабочих лишь к бесплодным восстаниям и к «наиболее серьезному из всех социальных преступлений — гражданской войне классов»¹²⁹, — таков его вывод.

Однако к началу 40-х годов после новых разочарований вера Мадзини в то, что ему удастся с помощью теории долга перевоспитать собственников, значительно ослабела, и он теперь не находит ничего лучшего, как поручить эту миссию... рабочим. А для этого они должны предварительно очиститься от классовой скверны сами (что, как мы понимаем, и само по себе было для Мадзини немаловажно). «Речь идет о том, чтобы сделать лучше и внушить понимание своего долга классам, которые вольно или невольно (! — К. К.) вас угнетают, а этого вы сможете достичь, лишь став, насколько возможно, лучше сами», — втолковывает рабочим Мадзини¹³⁰. «Будьте, как Христос и его апостолы, — убеждает он их, — проповедуйте долг классам, которые стоят над вами, и поймите... ваш. Проповедуйте добродетель, жертвы, любовь, будьте добродетельны и готовы к любви и к жертвам сами. Говорите о ваших нуждах без страха, но и без гнева, без угроз... старайтесь стать сбалансированной, лучше»¹³¹.

Убеждая рабочих, что целью их жизни должно стать самоусовершенствование, и что они «не могут стать менее несчастными, не улучшив самих себя», Мадзини все же не хочет — да и не может, стремясь привлечь народные массы к национально-освободительной борьбе, — вычеркнуть из своей программы требование улучшения их материального положения. Требование это, однако, предстает теперь в его статьях лишь как средство морального перевоспитания масс, которое поможет им «очиститься от всякого стремления к мести, от всякой мысли о несправедливости по отношению к тем, кто был несправедлив к ним»¹³².

«Итальянские рабочие! Братья мои! Поймите меня правильно... Когда я говорю, что, сделав целью своей жизни... материальные улучшения, мы рискуем стать эгоистами — это не значит, что мы не должны к ним стремиться... Материальные улучшения важны, мы будем бороться за них, но не потому, что человеку важно лишь хорошо питаться и жить в хорошем

¹²⁸ E. N. XXXIV, 125

¹²⁹ E. N. LXIX, 21

¹³⁰ E. N. LXIX, 10

¹³¹ E. N. LXIX, 22.

¹³² E. N. LXIX, 19

помещении, а потому, что сознание собственного достоинства и моральное развитие не придут к вам, пока вы находитесь, как теперь, в постоянной борьбе с нуждой»¹³³. И далее он пишет о том, что, работая по 12—14 часов в день, рабочие не могут найти время для самообразования, видя, что общество обращается с ними без всякого сочувствия, не могут ему доверять и т. д.¹³⁴

«Новое общество» Дж. Мадзини

Призывая рабочих к самоусовершенствованию и полюбившему вкупе с хозяевами разрешению самых неотложных своих задач, Мадзини все эти годы не прекращает раздумий об обществе «новой эпохи», которое принесет окончательное разрешение рабочего вопроса.

В 30—40-х годах он не дает в своих работах цельной и развернутой картины этого «общества». Концепция еще находится в становлении, многие ее черты не ясны еще самому автору. В его статьях и письмах тех лет мы находим лишь разрозненные высказывания об отдельных ее проблемах. Сводя их воедино, мы можем, однако, представить себе общие контуры того здания будущего, которое мысленно строил Мадзини.

Первое, что бросается при этом в глаза, это надклассовая, точнее антиклассовая, направленность всей утопии. Социальные антагонизмы и классовая борьба, так тревожившие Мадзини в реальной действительности, в обществе, к которому он стремится, полностью исчезают. Общество будущего представляется ему ассоциацией людей, управляемых единым законом («законом бога и человечества»), стремящихся к единой цели (познанию и осуществлению этого закона) и накрепко спаянных сознанием этой общности закона, верования, цели¹³⁵.

Моральное единство начнет возникать уже в ходе европейской революции, для Италии — в ходе борьбы за национальное освобождение. «Связывая все классы единой целью», эта борьба сама по себе становится верным средством ослабления классовой вражды. «Расширьте горизонт народов... объясните им их великую миссию, и вы увидите... как исчезают одно за другим эти многочисленные противоречия... этот фракционный и неразумный дух, отрицающий единство человеческого рода», — предрекал Мадзини^{136—137}.

Самое общество будущего не мыслится Мадзини как нечто застывшее. Оно непрерывно развивается, но уже самые

ранние стадии его развития знаменуются резким ослаблением, а затем и полным исчезновением классовых противоречий. В дальнейшем классовая борьба сменится классовой гармонией, а в еще более далеком будущем, когда общество новой эпохи полностью созреет, произойдет и полное уничтожение деления на классы. Тогда в обществе не будет «ни аристократии, ни демократии, ни собственников, ни пролетариев»¹³⁸. Исчезнет эксплуатация, нужда, вызываемые ими страдания. Все люди будут свободны и равны, все будут работать и жить плодами своего труда¹³⁹.

Подобная трансформация охватит не одну Италию. После европейской революции все народы приступят к строительству общества новой эпохи, многие государственные границы подвергнутся кардинальному изменению. Новая эпоха, думал Мадзини, осуществит его давнюю мечту о всемирном братстве народов.

Страстный борец за национальную независимость и единство, человек, чья родина жестоко страдала от иностранного угнетения, Мадзини не раз обращался в своих работах к мысли о будущей «реорганизации Европы». В его высказываниях на эту тему ярко отражаются те смутные мечты о времени, когда «народы, распри позабыв, в единую семью объединятся», какие волновали в те годы лучших представителей европейской революционной демократии.

В его представлении это будущее объединение народов тесно связано все с той же мыслью о необходимости прекращения классовой борьбы, которая лежит в основе всех его представлений о будущем. Эта мысль заложена уже в даваемых Мадзини определениях нации: и в кратком, где он утверждает, что «нация это единство верований и цели»¹⁴⁰, и в более развернутом, где он говорит, что «нация это объединение людей, сгруппированных либо по языку, либо по географическим условиям, либо по роли, которая отведена им историей, признающих один общий принцип, подчиненных одним общим законам и стремящихся к достижению одной цели»¹⁴¹. Нация — это «ассоциация людей, живущих на определенной территории, говорящих на определенном языке. Речь идет о единой стране, едином законе, о единстве моральном и материальном», — писал Мадзини¹⁴².

Моральное единство, т. е. отсутствие классовой борьбы и классовых антагонизмов, входит, таким образом, в самое определение нации. Это по сути, основной, постоянный ее признак,

¹³³ E. N. LXIX, 17—18

¹³⁴ E. N. LXIX, 18—19

¹³⁵ E. N. X, 328.

^{136—137} E. N. VI, 282—284.

¹³⁸ E. N. IV, 224.

¹³⁹ E. N. VI, 276—278.

¹⁴⁰ E. N. VII, 103.

¹⁴¹ E. N. VI, 125.

¹⁴² E. N. XXII, 356

ибо остальные — языковой, географический и т. п. — могут быть, как видно из приведенной цитаты, взаимозаменяемыми. Там же, где нет единства, там, по мнению Мадзини, не существует и нации, «есть толпа, масса, скопление индивидуумов, которых соединил случай и рассеет первый кризис»¹⁴³. Поэтому в обществе, раздраемом классовыми противоречиями, национальность это «лишенное смысла слово»¹⁴⁴. Это значит, что в капиталистическом обществе наций, строго говоря, нет. Они начинают возникать с тем сплочением людей разных классов, какое приносит борьба за утверждение «новой эпохи», а если говорить об Италии, то в ходе борьбы за национальную независимость и единство¹⁴⁵.

С утверждением «нового общества» и морального единства процесс образования нации завершится. Возможно, что еще до завершения этого процесса наступит «великое расчленение Европы... Всюду, где чужеродные элементы были насильственно объединены завоеванием, всюду, где две различные национальности, две расы, долгое время враждебные друг другу, были соединены грубой силой, произойдет насильственное разделение и возврат к первоначальной независимости»¹⁴⁶.

В ходе этой перекройки Европы по национальному признаку возникнут новые федерации народов. Освобожденная от австрийского гнета Венгрия, возможно, сгруппирует вокруг себя страны, лежащие по Дунаю, Испания объединится с Португалией, Швейцария станет во главе «Федерации Альп», в которую войдут также Тироль, Савойя, Каринтия¹⁴⁷.

Федерации эти будут строго добровольными, ибо в новой, молодой Европе будет действовать взаимный отказ от угнетения и порабощения, и народы, освобожденные и узнавшие друг друга, «соются в братском объятии»¹⁴⁸. Тогда возникнет «Великая федерация народов», объединившихся, чтобы идти по пути прогресса, «поддерживая друг друга и используя, каждый, ресурсы... которыми располагают другие»¹⁴⁹.

Членам этой федерации не придется опасаться за свою независимость, ибо среди них не будет «ни человека-короля, ни народа-короля». Закон долга, признанный всеми, «заменит для

них стремление к нарушению прав других, доминирующее нынче во всех международных соглашениях»¹⁵⁰.

Деление человечества по национальному признаку будет, однако, существовать еще долго, ибо, как утверждает Мадзини, каждая нация имеет свою особую миссию на земле. В конце концов исчезнет и оно. «Мы не верим в вечность рас... и вечность языков», — писал Мадзини¹⁵¹, — утверждая свою веру в будущее «слияние рас». Произойдет оно, как видно из высказываний Мадзини, в сугубо неопределенном и далеком будущем, вероятно, уже после того, как окончательно исчезнет деление общества на классы. Тогда все человечество объединится в единую и счастливую семью свободных и равных людей, имеющих «единый закон, единый алтарь, мысль, язык».

Какими же путями возможно, по мысли Мадзини, достижение подобного «царства божия» на земле и, в частности, в Италии? В его высказываниях на эту тему выдвигается на первый план роль республиканского правительства, правительства народа, совершившего победоносную революцию. Подобное правительство будет состоять из интеллигентов, но будет, как неоднократно подчеркивал наш автор, пользоваться неограниченным доверием всей нации. (Излюбленный тезис Мадзини о руководстве народом со стороны интеллигенции распространяется таким образом и на новую эпоху.) С его учреждением прекратится «борьба... между управителями и управляемыми»¹⁵², и установится «гармония между народом и теми, кто для него работает»¹⁵³.

В общей сумме задач, встающих перед правительством новой эпохи, задача преодоления классовых антагонизмов, а затем и окончательного уничтожения классов, явится наиболее важной. «С помощью образования и законов все тесней и тесней объединять все классы — такова главная функция правительства», — определил Мадзини¹⁵⁴.

Для разрешения этой основной задачи у правительства будут два средства. Первое — воспитание масс в духе религии, долга и братской любви, второе — законодательство. Воспитание

¹⁴³ E. N. VI, 126.

¹⁴⁴ Ibidem.

¹⁴⁵ Поэтому призыв «стать нацией», с которым Мадзини неоднократно обращался к своим соотечественникам, должен быть понят как призыв отбросить классовую борьбу во имя национального единства, а вся концепция нации, выдвигаемая Мадзини, оказывается призванной теоретически оформить этот отказ.

¹⁴⁶ E. N. VI, 10.

¹⁴⁷ E. N. IV, 227.

¹⁴⁸ E. N. IV, 116.

¹⁴⁹ E. N. VII, 347.

¹⁵⁰ E. N. VII, 347—348.

¹⁵¹ E. N. VII, 208, 214.

¹⁵² E. N. VII, 238.

¹⁵³ E. N. VI, 369. Мадзини неоднократно возвращался к этому обстоятельству, всячески подчеркивая, что только гармония между правителями и народом делает правительство устойчивым. Точного представления о том, как подобное правительство должно быть организовано, у него однако нет. «Мы формулируем задачу так: создать такую организацию, при которой это доверие (т. е. доверие между правительством и народом — К. К.) будет царить повсюду и никогда не будет обмануто» (E. N. VII, 105).

¹⁵⁴ E. N. VII, 103.

должно научить массы умеренности, а привилегированные классы — великодушию. Роль, которую отводит ему Мадзини в своих концепциях, становится с каждым годом все значительней. «Если мы, пропагандируя наши принципы, не постараемся улучшить людей, объединить их и вырвать из-под власти безрассудного эгоизма, который их пожирает, тогда все тщетно. Будет одна форма правительства или другая — те же трудности, то же неравенство, та же нужда повторится в других аспектах», — утверждал Мадзини¹⁵⁵.

Уже после того, как воспитание превратит людей, ныне испорченных материализмом, денежными расчетами, классовой ненавистью и т. п., в людей новой социальной эпохи, наступит пора использовать второе из имеющихся у правительства средств и начать преобразования с помощью законов¹⁵⁶. Изданные правительством, которое пользуется безграничным доверием всей нации, эти законы явятся торжественным выражением ее воли. О конкретном содержании этого законодательства будущего мы знаем однако немного. К нему относятся очевидно меры по ограничению права наследования и налоговая реформа, о которых мы расскажем в несколько иной связи; и к нему же относятся меры по содействию развития рабочих ассоциаций — задача, неоднократно отмечаемая Мадзини, как одна из основных, конкретных задач правительства новой эпохи.

Если религиозно-философская основа утопии была разработана Мадзини уже в середине 30-х годов, если тогда же определились ее указанные выше черты, то разработка вопроса о рабочих ассоциациях (т. е. об экономической структуре нового общества) далась Мадзини много труднее и затянулась на не одно десятилетие. Ведь именно эти ассоциации должны были, по мысли Мадзини, не обостряя и даже примиряя классовые противоречия между рабочими и предпринимателями, привести к радикальной реорганизации всей промышленной системы капиталистического общества и к разрешению рабочего вопроса. И дело здесь не только в сложности проблемы, но и в том, что в середине 30-х годов, говоря о «рабочем вопросе», Мадзини испытывает особую боязнь оторваться от своей среды¹⁵⁷. Придя

¹⁵⁵ Е. N. XI, 307.

¹⁵⁶ «Когда вы запечатлеете в сердцах (с помощью воспитания — К К) принцип «общество — это трудовая ассоциация» и получите следовательно свободное поле для применения всех законных выводов (т. е. для издания соответствующих законов — К К), вам не надо будет более опасаться ни каст, ни аристократии, ни внутренних (т. е. классовых — К К) войн, ни кризисов. Вы реализуете догму равенства, вы создадите народ», — обращался к своим соратникам Мадзини (Е. N. VII, 180).

¹⁵⁷ Так, выступив с цитированным выше весьма осторожным и сдержанным одобрением фурийской системы организации труда, он тут же спрашивает одного из своих друзей, не находят ли это его выступление чрезмерно

к выводу о невозможности разрешить этот вопрос в рамках существующего строя, он тут же объявляет «преждевременными и бесполезными» даже споры «о наилучшей промышленной организации»¹⁵⁸.

Из высказываний середины 30-х годов мы узнаем поэтому о рабочих ассоциациях лишь то, что они охватят как промышленность, так и сельское хозяйство¹⁵⁹. Бессильные привести к сколько-нибудь значительным результатам в обществе, раздираемом классовой борьбой, они в обществе, построенном на братской любви и классовой гармонии, станут могучим средством для «прогрессивного и гармонического развития промышленных сил страны, для превращения самого общества в единую семью людей, «живущих своим трудом и наслаждающихся его плодами»^{160–161}.

Пребывание в начале 40-х годов в наиболее развитой промышленной стране тогдашнего мира — Англии — дало Мадзини новые аргументы в пользу создания рабочих ассоциаций. Новые понятия, порожденные окружающей его капиталистической действительностью, еще сталкиваются в эти годы в его сознании с понятиями, возникшими в экономически отсталой Италии. Говоря об орудиях (или «элементах») труда, он еще принимает под ними «землю, кредит и капиталы» (или землю, кредит и сырье) и лишь в 1846—1847 гг. в высказывании, посвященном «элементам богатства», впервые указывает не только на землю и капитал, но и на машины¹⁶². Но уже в 1840 г., констатируя, что «применение новых методов и конструирование новых машин полезно лишь тем немногим, кто заставляет работать, но не тем, очень многим, кто работает», Мадзини тут же добавляет, что это происходит «не по внутренним причинам, а из-за плохой организации работ»¹⁶³. Не выступая, как то делали многие его современники, против разрушающей

«подрывающим основы» (Е. N. XI, 346) В августе 1834 г., обронив в письме к товарищу слова «о лиге пролетариев, которая кажется мечтой, но не была бы ею, если бы нажать на некоторые пружины, которые могут стать опасными, но которые всегда оказывают сильное влияние на народы» (Е. N. X, 25), он тут же готов взять свои слова назад: «Я говорю это тебе, а ты не говори об этом другим, ибо уже одна эта мысль испугает их еще больше» (Е. N. X, 25).

¹⁵⁸ Е. N. VII, 376.

¹⁵⁹ «Мы хотим, чтобы дух ассоциации распространялся на все отрасли (points), все классы, чтобы он дал новый импульс нашим сельскохозяйственным работам и удвоил наши промышленные силы», — читали мы в написанном Мадзини в 1835 г. проспекте «Молодой Швейцарии» (Е. N. IV, 265). Об ассоциациях в сельском хозяйстве см также Е. N. XXV, 200; XXXIV, 266, применительно к началу 60-х годов (Е. N. Appendix, v. III, p. 335).

^{160–161} Е. N. IV, 224.

¹⁶² Е. N. XXXIV, 142

¹⁶³ Е. N. XXV, 4.

патриархальные отношения капиталистической техники, Мадзини тем более резко выступает против лежащего в самой основе капиталистического производства договора купли-продажи рабочей силы. Рабочий, писал он, «повсюду лишен земли, капитала, кредита... Перед лицом людей, владеющих этим богатством, он не свободная договаривающаяся сторона. Он раб... Его жалование почти всегда меньше проделанной им работы. Оно склонно уменьшаться... и никогда не увеличивается в соответствии с доходами предприятия»¹⁶⁴. Вот с этим положением и призваны покончить рабочие ассоциации.

Стремление помешать распространению коммунистических идей побуждает Мадзини в 40-х годах высказать многое из того, что было воспринято им еще в 30-х годах. Так, из высказываний этих лет, мы узнаем, что в основу производственных ассоциаций, которые призваны «освободить рабочих от произвола богача», должен лечь фурийеристский принцип «объединения труда, интеллекта и капитала»¹⁶⁵, во главе их должны стоять избранные рядовыми членами общественные директора¹⁶⁶. О труде рабочего Мадзини говорит как о его собственности и его «доле в ассоциации»¹⁶⁷, а термин *retribuzione* (вознаграждение) рабочего подчас употребляет в том же смысле, что и качественно отличный термин *destribuzione* (распределение)¹⁶⁸.

Как, по какому принципу это распределение должно происходить, мы узнаем уже из первой, заглавной страницы «*Apostolato popolare*», где наше внимание привлекает сформулированный в виде краткого лозунга эпиграф «*Lavoro e frutto proporzionato*» (Вознаграждение, пропорциональное труду). Близость этого положения к уже выдвинутому в то время социалистической мыслью лозунгу «от каждого по способностям, каждому по труду» превращается в тождество в тексте журнальных статей, где Мадзини писал, что в будущем обществе люди будут вознаграждаться «соответственно трудности, важности и плодам своего труда»¹⁶⁹. В некоторых же высказываниях этих лет звучат еще более радикальные нотки (впоследствии исчезающие), и речь идет уже о желательности распределения продукции «соответственно потребностям, труду и заслугам»¹⁷⁰. Все же Мадзини не дает еще в 40-х годах развернутой характеристики рабочих ассоциаций будущего: его представления о них еще достаточно общи и неопределенны.

¹⁶⁴ E. N. XXV, 4.

¹⁶⁵ E. N. XXV, 204.

¹⁶⁶ E. N. XXV, 10.

¹⁶⁷ E. N. XX, 388.

¹⁶⁸ E. N. XXV, 10, 44, 73, 111.

¹⁶⁹ E. N. XXV, 10.

¹⁷⁰ E. N. XXV, 45.

Но разработка проблемы продолжается, и уже после революции 1848 г. приводит Мадзини к концепции, в которой получают завершение многие из ранее выраженных тенденций. И хотя эта концепция формулируется Мадзини в годы, выходящие хронологически за рамки нашей работы, мы все же позволим себе для полноты изложения ее привести. В 1860 г. в одной из больших, программных работ Мадзини, «Об обязанностях человека», рабочая ассоциация предстает перед нами как объединение, в котором рабочие являются коллективными собственниками предприятия, на котором они работают. Добровольно объединившись в ассоциацию, они образуют из вступительных взносов и прибылей первых лет единый и неделимый коллективный капитал предприятия, а также выбирают из своей среды администраторов. В дальнейшем члены ассоциации получают вознаграждение, равное для всех и обеспечивающее им прожиточный минимум, а также долю прибыли, уже не одинаковую для всех и зависящую от количества и важности затраченного каждым из них труда.

Думая, что он нашел в подобном «объединении труда и капитала»¹⁷¹ искомое разрешение рабочего вопроса, Мадзини верил, что рабочие ассоциации освободят рабочего от «рабского подчинения закону заработной платы» и превратят вчерашних наемников в свободных производителей. Возникая все в большем количестве, они постепенно преобразуют общество. «Объединенный труд, распределение дохода... среди рабочих соответственно их труду и ценности этого труда — вот социальная организация будущего», — утверждал Мадзини¹⁷².

Параллельно с эволюцией представлений Мадзини о рабочих ассоциациях шла эволюция его представлений о собственности. Мадзини известен как сторонник сохранения частной собственности. Он не раз с возмущением отвергал уверения своих политических противников, будто он стремится к «аграрному переделу», не раз с возмущением, иронией, пренебрежением отзывался о «химерах» всеобщего материального равенства и общности имущества. Объявляя частную собственность «священной», он утверждал, что она «представляет человеческую индивидуальность» и является «завоеванием, сделанным человечеством в ходе его развития».

Сказанное не означает, однако, что частная собственность представлялась Мадзини чем то застывшим и неизменным. Идя и в этом вопросе за сенсимонистами, Мадзини считал, что собственность, как и все общественные институты, подвержена трансформации. Она изменялась в ходе предшествующего исто-

¹⁷¹ E. N. LXIX, 127.

¹⁷² E. N. LXIX, 129.

рического развития и будет изменяться впредь¹⁷³. Предстоящая в Италии революция должна, как утверждал в 1835 г. Мадзини, сделать собственность «доступной большому количеству людей, изменить ипотечную систему и вообще сделать собственность более подвижной, облегчив ее переход из рук в руки»¹⁷⁴, иными словами, придать собственности, очевидно земельной, буржуазный характер. Но собственность будет изменяться и после революции. В цитированном выше письме к своему другу Мелегари Мадзини осторожно намекает на возможность неких радикальных изменений собственности в «новую эпоху». Произойдут они, как спешит он оговориться, уже после того, как изменятся остальные общественные институты, т. е. уже в конце «новой эпохи», «как ее завершение»¹⁷⁵.

В чем эти коренные изменения собственности будут состоять, Мадзини не решался раскрыть даже ближайшему своему другу. «Вопрос о собственности — это колючий вопрос; выскажешь самые святые вещи и встретишь самую мрачную их интерпретацию», — замечал он¹⁷⁶.

«Если бы я мог верить в то, во что веришь ты, — осторожно писал он в следующем письме Мелегари, — и считал, как сенсимонисты, что наступила пора для радикального изменения собственности, например, для уничтожения права наследования и для другого, — я не говорю, что я в это верю, то это не противоречило бы изложенным принципам»¹⁷⁷.

Что не договаривал здесь Мадзини? Допускал ли он, что когда-либо в неопределенно туманном будущем (в конце грядущей эпохи и как завершение ее) произойдет то превращение частной собственности в общественную, которого стремилось в гораздо более близком будущем добиться посредством отмены права наследования левое крыло сенсимонизма?

Ведь если, как утверждал Мадзини, «всякая двойственность стремится к единству», то не в праве ли мы заключить, что подобное единство возникнет когда-либо, по его мнению, и между индивидуумом и обществом. И не примет ли в таком случае и частная собственность, это «священное право индивидуума», общественный характер? Мы не находим в высказываниях Мадзини прямого ответа на эти вопросы, хотя в некоторых его

¹⁷³ К принципиальной неизбежности и практической необходимости этих изменений Мадзини возвращался не раз «Собственность подвержена модификациям. Так было всегда, этому учит история, так будет и «впредь», — писал он в 1835 г. (Е. Н. X, 298); «чтобы улучшить свое жилище (общество — К. К.), человеку нет нужды уничтожать нацию, семью, собственность. Он удовлетворится, трансформируя их, развивая их в правильном направлении», — утверждал он в 1847 г. (Е. Н. XXXIV, 230—231).

¹⁷⁴ Е. Н. X, 298.

¹⁷⁵ Е. Н. X, 298.

¹⁷⁶ Е. Н. X, 298.

¹⁷⁷ Е. Н. X, 319.

утверждениях, например, о том, что в обществе новой эпохи люди будут совместно обрабатывать «общее достояние, каким является земной шар»¹⁷⁸, и звучат переключкой с мыслями, высказанными (и невысказанными) в письмах к Мелегари.

В конце 1837 г. Мадзини формулирует свою теорию мелкой трудовой собственности, при господстве которой «земля разделена между очень большим количеством собственников, а право собственности доступно большинству нации и является, по преимуществу, следствием и ценой труда»¹⁷⁹. Теория эта уходит корнями в итальянскую действительность тех лет с ее обширными поместьями и нищим крестьянством. Отнюдь не случайно Мадзини, живя в наиболее развитой промышленной стране тогдашнего мира Англии, формулирует ее первоначально применительно к собственности на землю. Лишь позднее он распространяет ее также и на другие виды собственности.

В развернутой своей формулировке эта теория включала в себя как буржуазную защиту самого принципа частной собственности, так и мелкобуржуазное, эгалитаристского толка порицание такого распределения ее, при котором «исключительная роскошь одного класса» соответствует «исключительная нужда другого»¹⁸⁰. «Конечно, я не смотрю с благожелательностью на собственность праздного человека, будь то капитал или что-либо другое, возникшую в результате чужого труда, в то время, как истинный производитель умирает от голода», — писал уже в 1847 г. Мадзини. Но я считаю, что собственность как символ и плод труда хороша и полезна. Я вижу в ней проявление человеческой индивидуальности в материальной сфере, не только стимул к труду, но и гарантию улучшения самого труда»¹⁸¹.

Мадзини не мог, конечно, не видеть антагонизма между мелкой трудовой собственностью и существующей системой концентрации собственности в немногих руках. Раздумывая в 40-х годах о трансформации, которую предстоит проделать собственности, он не рассчитывал на одну только добрую волю познавших свой долг владельцев, и хотя он не сбрасывал эту возможность со счетов и писал о людях будущего, «готовых пожертвовать своим имуществом и самими собой... ради улучшения общества»¹⁸², но наряду с этим, мы встречаем в его работах

¹⁷⁸ Можно привести в этой связи и высказывание о равенстве, наступающем, когда «все люди пользуются, соответственно своему труду, *общим достоянием* (fonds commune) (курсив мой — К. К.), возникшим в результате приведения в действие всех социальных сил» (Е. Н. Appendice, v. I, p. 150).

¹⁷⁹ Е. Н. XVII, 210.

¹⁸⁰ Е. Н. XV, 163.

¹⁸¹ Е. Н. X, XXIV, 236.

¹⁸² Е. Н. XXV, 10.

указания и на принудительные меры по отношению к владельцам нетрудовых состояний. Это проектируемый Мадзини побор с предметов роскоши — не столько налог, сколько «средство для подавления аристократических тенденций»¹⁸³; это «контрибуции во имя родины», которые Мадзини предполагал накладывать в будущем на богачей, и о которых в настоящем он решился упомянуть лишь в полшутливой форме, да и то в сугубо частном письме к матери¹⁸⁴.

Доходы от подобных поборов и контрибуций должны были, по мысли Мадзини, идти на содержание стариков и инвалидов. Истинной целью их взимания являлось, однако, отнюдь не получение средств. Так же, как подоходный налог (введению которого Мадзини придавал необоснованно большое значение), эти меры должны были способствовать постепенному уравниванию состояний и превращению нетрудовой собственности в трудовую. К этому же должны были вести и меры по ограничению права наследования и — последнее по месту, но не по важности — создание рабочих ассоциаций, ибо «неравенство богатств, — как писал Мадзини, — будет уменьшено прямой системой наследования и более справедливым (equo) вознаграждением труда».

Не приходится доказывать робость, недостаточность, компромиссность, иллюзорность подобных мер. И все-таки при всей своей умеренности и утопичности, эти меры несли в себе в начале 40-х годов XIX в. покушение на тот самый принцип священности и неприкосновенности частной собственности, какой с таким жаром защищал Мадзини в своих выступлениях¹⁸⁵. Самая теория мелкой трудовой собственности, будучи

¹⁸³ Е N XXV, 204

¹⁸⁴ В письме, полученном Мадзини в 1839 г из дому, говорилось о наследстве, доставшемся двум молодым людям, опекуном которых был его отец. Эти два юнца, комментировал новость Мадзини, имея такого хорошего опекуна, станут слишком богатыми «Когда дела пойдут по-нашему, мы будем препятствовать возникновению таких честолюбивых богатств и налагать на их владельцев контрибуции во имя родины» (Е N. XV, 404)

¹⁸⁵ Следует впрочем сказать, что Мадзини, видимо не надеясь на быстрое перевоспитание собственников, уже в 40-х годах откладывает мероприятия по трансформации собственности, как и многие другие мероприятия новой эпохи, на срок все более далекий. Именно в эти годы он выдвигает понятие переходного периода, который наступит после революции и в течение которого перестройка общества будет носить характер хотя и прогрессивный, но значительно менее радикальный, чем это первоначально предполагалось

«Мы верим в неограниченную свободу международной торговли, — писал Мадзини, — но допускаем, что некоторые отрасли промышленности будут некоторое время пользоваться покровительством правительства. Верим в будущую ассоциацию капитала, интеллекта и труда, но допускаем, что ей должна предшествовать организация трудящихся, носящая менее решительный характер. Возможно, что прежде чем прийти к единому подоходному налогу, государство должно будет пройти через переходный период, в течение которого будет достаточно отменить косвенные налоги» (Е N XXV, 204)

заостренной против крупных состояний, приобретала при всей своей мелкобуржуазной ограниченности революционно-демократический характер. Характеризуя ее, нельзя не вспомнить сказанные в иной связи В. И. Лениным слова. Ошибка некоторых марксистов, — писал В. И Ленин, состоит в том, что, они «справедливо критикуют «трудовое начало» и «уравнительность», как отсталый, реакционный, мелкобуржуазный социализм, и забывают, что эти теории выражают передовой, революционный мелкобуржуазный демократизм»¹⁸⁶.

В более поздних концепциях Мадзини частный капитал, как логически вытекает из приведенных выше высказываний 1860 г., фактически уступает место социетарному капиталу объединенных производителей, а частная собственность оказывается вытесненной из сферы производства в сферу личного потребления. Происходит это при сохранении самого принципа частной собственности, за счет изменения ее форм.

Критика капиталистической действительности, мечта об обществе, не знаящем эксплуатации, экономического неравенства и нужды и заменяющем капиталистическую фабрику рабочей ассоциацией, а индивидуальный капитал фабриканта — социетарным капиталом свободных производителей, были свойственны в первой половине XIX в. многим теориям и схемам мелкобуржуазного утопического социализма. «Бесчисленные», — по определению В. И. Ленина в 1848 г.¹⁸⁷, эти теории были весьма многочисленны и в 30—40-х годах XIX в. «В сущности, — писал о них, применительно к 1848 г., В. И. Ленин, — это был вовсе не социализм, а прекраснодушная фраза, доброе мечтание, в которое облекала свою тогдашнюю революционность буржуазная демократия.»¹⁸⁸. Одной из таких теорий и схем мелкобуржуазного социализма и является социальная утопия Дж. Мадзини и именно как о представителе непролетарского домарксового социализма и отзывался о Мадзини В. И. Ленин¹⁸⁹.

Не приходится доказывать, что сказанное выше отнюдь не означает намерения автора поставить Мадзини в один ряд с теми утопическими социалистами, которые стали предшественниками научного социализма. Идеи последних, широко проникая в 30—40-х годах в Италию, по-разному воспринимались и творчески перерабатывались различными итальянскими мыслителями, и путь, которым шел, вплетая эти идеи в свою социальную утопию, Мадзини, вел в сторону, противоположную марксизму. Но социалистические идеи не развивались по прямой и кратчайшей линии. Социализм первой половины XIX в. было

¹⁸⁶ В И Ленин Полн собр соч, т 16, стр 213

¹⁸⁷ См. В И Ленин Полн собр соч, т. 21, стр 256

¹⁸⁸ Там же

¹⁸⁹ См. В И Ленин. Полн собр соч, т 26, стр 49.

бы правильно сравнить с полем, на котором, наряду с драгоценными растениями, вызревали и плевелы. Сам Маркс отнюдь не считал социалистами одних только своих предшественников, и в «Коммунистическом манифесте» наряду с литературой, «которая во всех великих революциях нового времени выражала требования пролетариата»¹⁹⁰, говорится, как известно, и с реакционным (феодалом, мелкобуржуазном, «истинном») социализме и о социализме консервативном (буржуазном).

В И. Ленин, указывая, что «социализм бывает разный»¹⁹¹, неоднократно подчеркивал, что Маркс и Энгельс выработали теорию и тактику пролетарского социализма или коммунизма, «резко борясь» с различными теориями мелкобуржуазного социализма¹⁹². Одной из таких теорий, в борьбе с которыми возник и развивался марксизм, и явилась социальная утопия Дж. Мадзини, и с этой точки зрения закономерна и последующая в рамках I Интернационала борьба мадзинизма с марксизмом. Закономерны и отрицательные отзывы самого Маркса о Мадзини, равно как и враждебное отношение самого Мадзини не только к марксизму, но и к идеям утопического коммунизма, особенно резко проявившееся после революции 1848—1849 гг.

Взятая сама по себе, социальная утопия Мадзини не представляет на наш взгляд особого интереса; отнюдь не оригинальная и несущая на себе многие следы заимствований, сделанных автором у других мыслителей, она однако неразрывно связана с буржуазно-демократической национально-освободительной борьбой, какую на протяжении четырех десятилетий вел Мадзини. Уже само ее возникновение было, как мы могли убедиться, неразрывно связано с состоянием и потребностями этой борьбы.

В общей системе национально-освободительных и социально-политических воззрений Мадзини его утопическое «общество новой эпохи играло для него роль своеобразной «страны исполнения желаний». Мадзини, стремясь повести все классы итальянского общества («всю нацию») на борьбу против Австрии, наталкивался на острые противоречия между ними и создавал в своем воображении общество, свободное от классовых антагонизмов и основанное на братской любви и согласии.

Он был потрясен и испуган страданиями рабочих масс, вынужден констатировать эгоизм и безразличие «привилегированных», боялся самостоятельного, против эксплуататоров направленного выступления рабочих и крестьян и создал в своем воображении общество, в котором богатые, повинувшись «религии долга», братски пекутся о бедных, и «рабочий вопрос»

¹⁹⁰ К Маркс и Ф Энгельс Соч т 4, стр 455

¹⁹¹ В. И. Ленин Полн собр соч, т 13, стр 123—124

¹⁹² В. И. Ленин, Полн. собр соч, т 26, стр 48

разрешается заинтересованными сторонами в духе все той же братской любви и согласия.

Понимая необходимость привлечения народных масс к национально-освободительной борьбе итальянской буржуазии, он стремился обеспечить руководство этой борьбой со стороны революционно-демократической интеллигенции, и создал в своем воображении общество, в котором народные массы доверчиво следуют за этой руководящей группой.

Наиболее зримо буржуазно-демократическая сущность утопических воззрений Мадзини сказывается в его теории трудовой, в частности земельной, собственности. Италия 30-х годов XIX в. была страной отсталой промышленности, дворянских и буржуазных поместий и обезземеленного, нищего крестьянства, тайно, а то и явно стремившегося ко всеобщему земельному переделу. Лозунг трудовой земельной собственности выражал поэтому самую сущность земельных преобразований, необходимых для наиболее полного проведения буржуазной революции в стране. Напиши Мадзини этот лозунг на знаменах «Молодой Италии» как один из пунктов революционной, практической ее программы, он был бы равносителен требованию насильственной экспроприации крупных поместий и обеспечил бы Мадзини широкую поддержку итальянского крестьянства в его борьбе за объединение Италии «снизу». Вместо этого Мадзини переносит осуществление необходимых стране земельных преобразований в свое утопическое общество новой эпохи, в наступление которого, он, правда, твердо верил и за которое боролся, но которое, даже и по его представлениям, лежало за чертой буржуазно-демократической революции в Италии и Европе.

Нужно ли говорить, как ослабил он этим силу удара, наносимого лозунгом трудовой земельной собственности по старому полуфеодалному миру?

Переноса разрешение таких основных проблем движения, как аграрная и рабочая проблема, в гипотетическое будущее, социальная утопия Мадзини помогала ему уйти от разрешения их в настоящем, и стала в итоге тяжелым грузом, висющим из его реальной концепции национально-освободительной борьбы. Отнюдь поэтому не случайно, что разработка Мадзини его утопии идет об руку с общим поправлением его взглядов на итальянскую и европейскую революцию. Нельзя также не отметить, что утопия эта вызревает в сознании Мадзини медленно и трудно. Ее морально-религиозная основа «готова» уже в 30-х годах, но ее экономическая часть окончательно выкристаллизовывается лишь после революции 1848 г., когда мелкобуржуазный утопический социализм все более теряет свою прогрессивность и свой *raison d'être*.

И если в 30—40-х годах отдельные черты этой утопии — искреннее сочувствие угнетенным и оскорбленным, критика

капитализма, самая гуманность мечты о времени, когда на всей земле будет «один класс, один народ, одна семья, потребляющая соответственно своему труду и трудящаяся в соответствии с единым законом»¹⁹³, — еще могли послужить толчком к развитию социальной мысли в Италии, то в последующие десятилетия, подменяя реальную программу социально-экономической борьбы обещанием своего рода «царства божия» на земле, всячески подчеркивая «братскую солидарность» людей из народа с дворянами и буржуа, эта утопия становилась все более реакционной, как все более реакционным становился в это время и весь мелкобуржуазный утопический социализм, частицей которого она являлась.

¹⁹³ E. N VII, 394.

Тематически связанные материалы <http://istmat.info/vive-liberta>
скачать в библиотеке

М.Ковальская. Итальянская революция 1831 г. и Франция

Дж.Берти. Демократы и социалисты в период Рисорджименто

К.Кирова. Французские революции (1789—1848 гг.) и итальянские умеренные либералы (1830—1860 гг.)

М.Ковальская. Италия в борьбе за национальную независимость и единство.

От революции 1831 г. к революции 1848-1849 гг.